

КЕРРИ ГРИНВУД

КРОВИ
И ЗРЕЛИЩ!

чай, кофе
и убийства

Керри Гринвуд

Крови и зрелищ!

Серия «Фрина Фишер», книга 6
Серия «Чай, кофе и убийства»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42990660

К. Гринвуд. Крови и зрелищ!: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-108780-7

Аннотация

Одно из интереснейших дел Фрайни Фишер начинается прекрасным летним днем 1928 года.

На пороге появляется призрак из прошлого.

Точнее – бывший любовник Фрайни. Его зовут Алан Ли, он циркач, и ему очень нужна помощь.

Что-то странное и страшное происходит в его преуспевающей труппе: сначала отравили зверей, потом чуть не спровоцировали несчастный случай во время представления.

А теперь один из членов труппы, мистер Кристофер, был найден заколотым в своей комнате в местном пансионе.

Что еще хуже, в убийстве подозревают ни в чем не повинную бывшую циркачку...

Что это – происки конкурентов? Кровавые деяния безумца? Холодный расчет преступника?

Чтобы разобраться, Фрайни предстоит не только провести опасное расследование, но и примерить на себя роль «принцессы цирка»...

Содержание

Тайна Фрайни Фишер	6
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	39
Глава 4	59
Глава 5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Керри Гринвуд Крови и зрелищ!

Kerry Greenwood
Blood and Cicruses

© Kerry Greenwood, 1994

© Перевод. М. Панфилова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Джону Гринвуду, моему дорогому брату

«Людей нужно развлекать, сквайр... Не могут они работать без передышки, не могут и наукам учиться без отдыха. Сделай же из нас самое лучшее, а не самое плохое...»

Чарльз Диккенс. Тяжелые времена

Тайна Фрайни Фишер

Глава 1

*Я услышал однажды, как кто-то играет
О том, как влюбленное сердце страдает
От песен любви, что как птица порхает,
Бальзам для ран, но как нож тяжела.*

Алджернон Суинберн. Триумф времени

Миссис Уизерспун, вдова неопределенного возраста, с театральным прошлым, пила чай в изысканном обществе снимавших у нее апартаменты жильцов на Брансвик-стрит в Фицрое. Было это в четыре часа пополудни в теплую пятницу. Стоял октябрь 1928 года, и взявшей последний кусочек фруктового пирога миссис Уизерспун никак не могло прийти в голову, что самый страшный миг в ее жизни в двух шагах от нее.

Капля упала с потолка и шлепнулась прямо ей в чашку. Миссис Уизерспун фыркнула.

– О боже! Опять этот мистер Кристофер забыл выключить воду в ванной! Я ему сто раз об этом говорила.

Мистер Шеридан вскочил на ноги, но миссис Уизерспун

выразительно на него посмотрела:

– Не вы, мистер Шеридан. Пожалуйста, не надо.

– Я сейчас сбегаю, – предложила мисс Минтон. – Она задерживалась с оплатой квартиры в ожидании исхода следующего шоу, а потому ей чрезвычайно хотелось оказаться полезной.

– Да, дорогая, пойди. Но не открывай дверь. Слышишь? Мистер Кристофер столь беспечен. И не думает о том, что дверь могут открыть... Я не потерплю ничего предосудительного в моем доме. – Голос у миссис Уизерспун был низкий, сдобный, как фруктовый пирог, и хорошо поставленный. Такой голос слышно с последнего ряда партера. Мисс Минтон, которая с семнадцати лет была танцовщицей в шоу, ухмыльнулась и вышла. Все услышали, как каблучки ее застучали по не застеленным ковром ступеням.

Вся компания состояла из миссис Уизерспун, фокусника по имени Роберт Шеридан, актрисы на характерные роли, чье сценическое имя было Паркс и чье прошлое, судя по мрачным намекам, не обсуждается, и вышеупомянутой мисс Минтон, которая только что отправилась выполнять свою миссию. Оставшиеся за столом сосредоточили все внимание на продвижении мисс Минтон по коридору к ванной, а потому внимательно прислушивались.

– Слышите, мистер Кристофер, – позвала девушка. – Эй! – прибавила она. Было слышно, как дверь ванной открылась с характерным поскрипыванием. Миссис Уизерспун по-

сетовала на поведение современных девушек и закончила свою чашку чая, небрежно смахнув еще одну каплю, упавшую прямо ей на волосы. Миссис Паркс спрятала улыбку.

Мистер Кристофер был строен, двигался как танцор. У него были упрямые темные волосы и правильные, словно выточенные из камня черты лица. Миссис Паркс еще раньше замечала, что мисс Минтон преследует его неделями: она наверняка не упустила бы возможности загнать его в угол где-нибудь в ванной. А случись это – ее ждал бы сюрприз. Что и говорить, работа в кордебалете губительна для скромности, подумала миссис Паркс.

Звук хлынувшей воды, который они ожидали услышать, так и не появился. Вместо этого к ним вбежала вернувшаяся мисс Минтон с восклицанием: «Его там нет, миссис Уизерспун! И не было. В ванной – ни капли воды!» – И вот тогда они посмотрели наконец на потолок. Большое красное пятно, похожее на червоного туза, расплзлось по потолку. Капало именно с него. Мысль о том, что это может быть красное вино, никому не пришла в голову. Миссис Уизерспун приложила дрожащую руку к щеке, на которую капнула еще одна капля.

На ладони было кровавое пятно.

Когда она поняла, с чем допила она свою чашку чая, ее охватила паника.

Даже прибытие полиции не заставило миссис Уизерспун

покинуть свое укрытие. По причине этого очень растерявшийся и сконфуженный констебль Томми Харрис вел переговоры с ней через закрытую дверь.

– Чья комната располагается непосредственно над вами? – спрашивал он в отчаянии. Ответом был лишь судорожный приступ рвоты. Миссис Паркс кивком головы дала понять, что лучше отойти от двери.

– Я могу вам все рассказать. Бедняжка поняла, что пила чай с кровью. Это может вызвать расстройство. Вы согласны? Наверху ванная комната, а к ней прилегает комната мистера Кристофера. Он выступает в цирке и обычно встает только к чаю. Из-за вечерних выступлений. Я поднималась наверх и пыталась открыть дверь, но она заперта.

– А вы кто, миссис?

– Меня зовут Амелия Паркс. Я актриса, живу здесь.

Сузившиеся глаза констебля пристально осмотрели миссис Паркс. Женщина средних лет, шатенка с короткой стрижкой, кареглазая, она сохранила прекрасный цвет лица, свойственный тем, кто пользуется театральным гримом и редко бывает на солнце. Новенький в этом районе, констебль был почему-то уверен, что видел это лицо раньше. А вот припомнить – где, никак не мог. Миссис Паркс не помогла ему вспомнить, она лишь слегка улыбнулась. Премилая у нее улыбка, подумал констебль.

– Хорошо, мисс, с этим мы разберемся. А где ключи?

– Подождите, пожалуйста, здесь, – вежливо попросила

миссис Паркс. – Попробую достать.

Констебль вышел на заднее крыльцо, оставив миссис Паркс одну. Она осторожно постучала в дверь несчастной хозяйки дома. Через несколько минут дверь со скрипом открылась, и связка ключей вылетела наружу. Миссис Паркс взяла их, пробормотав при этом что-то неразборчивое (констебль не уловил, что именно), и понесла ключи на заднее крыльцо.

– Ну вот, пожалуйста. Думаю, сейчас лучше оставить ее одну. Она себя почувствует лучше, когда все это выйдет у нее из желудка. Бедная старушенция...

Остальные обитатели дома сбились в испуганную группу в холле. В столовую, где череда кровавых пятен осквернила льняную белую скатерть, возвращаться не хотел никто. Констебль Харрис прошел мимо собравшихся, поднялся по лестнице, отпер соответствующую дверь и сделал попытку ее отворить. Дверь не поддавалась.

– Что там? – поинтересовалась снизу миссис Паркс.

– Изнутри закрыта на задвижку! – крикнул в ответ констебль. – Туда можно пролезть через окно?

– Только если у вас есть длинная лестница. С той стороны нет балкона.

– Открывайте! – констебль постарался крикнуть так грозно, чтобы можно было разбудить медведя в берлоге. – Открывайте сию минуту! Полиция!!!

Ответом была мертвая тишина. Мисс Мinton всхлипну-

ла, и фокусник обнял ее за плечи. Она благодарно прижалась к нему, но тут же, вскрикнув, отскочила, почувствовав, как что-то задвигалось в его нагрудном кармане.

– Извините, – сказал он, извлекая голубя отработанным, эффективным жестом. Миссис Паркс закусил губу: момент для смеха был явно неподходящий. Шеридановский голубь вспорхнул и уселся на притолоку – поступок, который миссис Уизерспун ни за что бы не допустила, будь она здесь в данный момент. – Вот и все, – сказал фокусник, протягивая руки. Мисс Мinton вернулась на освобожденное голубем место – в объятия фокусника, и мистер Шеридан прижал ее крепче, мысленно поздравив себя с тем, что опять в его объятиях женщина. Какая женщина – для мистера Шеридана это не имело никакого значения.

– Ну-ну, малышка, – успокаивал он ее. – Мы все расстроены.

Констебль Харрис появился на верхней ступени лестницы и позвал миссис Паркс.

– Не могли бы вы показать мне, как выбраться на крышу? Миссис Паркс без колебаний оставила мисс Мinton на коварного фокусника и отправилась наверх, к свету.

– Будьте осторожны, – заволновалась она, когда молодой человек вылез на шиферную крышу. – Знаете, там небезопасно. Миссис уже давно хотела ее отремонтировать.

Внешность констебля Харриса была из таких, что всегда казались миссис Паркс наиболее привлекательными: солн-

цем обласканный, голубоглазый, выросший на деревенском молоке. Он улыбнулся, показав белые зубы.

– Все будет в порядке, мисс. Я в хорошей форме. Много занимаюсь спортом. Идите лучше вниз, присмотрите за пожилой леди. Нужно, чтоб она была в форме и ответила на мои вопросы, если там дело нечисто.

– А вы полагаете, что это так?

У миссис Паркс был открытый взгляд, и она тоже нравилась констеблю. И все же он никак не мог отделаться от мысли, что она кого-то ему напоминает, что он где-то ее раньше видел. Давным-давно... Может, в газетах?

– Думаю, он сам себя запер, мисс. Дверь не просто заперта, а закрыта на задвижку изнутри. Не думаю, что кто-то пытался пролезть с крыши – вы бы услышали.

– Я тоже так считаю, констебль. Может, мне лучше остаться здесь, на случай, если вам понадобится помощь?

– Хорошо, мисс.

Он снова улыбнулся и осторожно пошел по скату крыши к водосточному желобу и дальше, к комнате мистера Кристофера. Улегшись на теплой поверхности крыши над комнатой, он перегнулся как можно дальше. Окно не было зашторено, и солнце ярко освещало комнату. В ней еще и свет был включен.

Увиденное так изумило констебля, что он ослабил хватку и, издав громкий крик, начал соскальзывать вниз. Он отчаянно завертелся. Однако в считанные секунды какая-то твер-

дая хватка остановила его падение, схватив за мундир, и удержала в воздухе в подвешенном состоянии.

Миссис Паркс запрыгнула на крышу и побежала по ней с легкостью птички. Пока констебль свисал с края, хватая ртом воздух, она всем своим весом попыталась удержать его. Баланс был найден, но сил вытащить его назад было недостаточно.

– Пикантное положение, – заметила она голосом, которым говорила бы с ребенком, извалявшимся в грязи. – Как вас зовут?

– Томми. – Томми старался не смотреть вниз на плиты во дворе, куда именно сейчас из клозета выходила миссис Уизерспун. Плиты были прочные, очень твердые. Он постарался не думать, во что он превратится, когда упадет на них с такой высоты. Головой вперед... Удерживающая его рука не ослабевала, а голос был мягок, как шелк. – Томми, ты должен сам себя спасти. Я не такая сильная, чтобы вытащить тебя. Моей силы не хватит. А если ты будешь дергаться, мы свалимся вместе. Ты понимаешь?

– Да.

– А теперь ты вытянешь назад правую руку. Медленно. Да, вот так. Не делай резких движений. Не смотри вниз. Смотри прямо вперед. Так. Еще шесть дюймов, и ты это сделаешь! Это желоб. Ты за него ухватился?

Томми Харрис ухватился за желоб с такой силой, что мог деформировать сталь. Край врезался ему в ладонь, но он еще

сильнее сжал руку.

– Есть. Держусь.

– Хорошо. А теперь вытяни назад другую руку. *Медленно.* Я стараюсь удержать весь твой вес, ты понимаешь? Теперь ты дотрагиваешься до желоба. Ухватился за него? – Его левая рука нащупала металл и ухватилась за желоб обезьяньей хваткой. – Хорошо, а теперь я тебя отпущу и вернусь через световой люк.

Томми издал невоспроизводимый звук, который мог означать только одно: «Нет!», и срывающимся голосом попросил:

– Не отпускай меня!

– Я тебя сейчас отпущу, и ты спокойно повисишь. Держи руки прямо, и ты не упадешь. Я схвачу тебя за ноги и втащу внутрь. – Ее голос был спокойный и властный. Отчасти это спокойствие передалось и ему. Он сделал глубокий вздох.

– Хорошо. Томми, мой мальчик, ты смелый. Сейчас я досчитаю до трех, и все, что ты должен будешь сделать, это просто вцепиться, как черт, и я смогу спокойно втащить тебя внутрь. Идет? – Томми кивнул. Во рту у него было сухо, как в пустыне Сахара.

– Раз, два, три. – Она разжала руки, очень осторожно, и он услышал, как она соскочила внутрь. Он вцепился в желоб, и, как ему показалось, прошла целая вечность, прежде чем две сильных руки, как клещи, обхватили его лодыжки и медленно и неумолимо потащили его на крышу. – Теперь отпускай,

Томми. Я втащила уже добрую половину и не хочу, чтобы все остальное улетело вниз. – Он выслушал то, что она сказала, и изо всех сил постарался поверить в нее до такой степени, чтобы это помогло ему решиться расцепить руки. Еще сильнее напряглись его колени и ягодицы.

– Отпускай же, Томми, – убеждала она. Томми попытался разжать руки, но не смог. Он слышал как сзади, за ним, вздохнула миссис Паркс. – Отпускай сейчас же! – прокричала она и дернула со всей силы. Перед тем как констебль Харрис понял, что произошло, он уже был внутри, в крепких руках миссис Паркс. – Ну вот! – сказала она, помогая ему встать на ноги и отряхивая пыль с его полицейского костюма. – Очень смело. И высоты вы не боитесь. Ведь правда?

– И вы не боитесь... – Помятый, с открытым ртом, он не отрываясь смотрел на нее. – Да вы же... Я знаю, где видел вас раньше!

Миссис Паркс отстранилась, как будто он мог заразиться от одного ее прикосновения. Лицо ее стало отрешенным, как будто от причиненной боли.

– Вы, должно быть, видели меня во время судебного разбирательства, – грустно сказала она. – Я тогда еще подумала, что вы слишком молоды.

– Когда они вас выпустили, миссис Паркс? – спросил он, внезапно почувствовав неловкость и нерешительность. – Я хотел сказать, что да, я помню те бумаги... У них был особый день, когда произошло убийство вашего...

– Моего мужа, – сказала она безучастным, ледяным голо- сом. Карие глаза, которые только что смотрели на него почти с любовью и уж точно с участливым сочувствием, теперь бы- ли холодными и жесткими, как камень. – Меня освободили в прошлом году, и у меня было несколько небольших ролей. Сейчас я работаю над ролью служанки Джульетты...

– Но вы же были воздушной гимнасткой! Летающая Фан- точини, так вас называли.

Поняв наконец, какую незаслуженную и сильную боль до- ставил он своей спасительнице, констебль Харрис чрезвы- чайно смутился. Он взял ее руку в свою. Мозолистая рука, он это почувствовал сразу. Еще отметил ее легкость и гра- цию, силу ее рук.

– Не важно, это уже все в прошлом, – сказал он, и щеки его слегка порозовели. – Спасибо вам, миссис Паркс, вы спасли мне жизнь.

В ответ она слегка пожала его руку и отстранилась.

– Что же такое вы увидели через окно? Из-за чего свали- лись с крыши? – спросила она, чтобы сменить тему. – Ми- стер Кристофер в комнате?

– Да, он там, – ответил констебль, вспомнив, что он при исполнении. – Точно, он там. Извините, миссис Паркс. Я должен позвонить в участок. Там ужас что творится, и я дол- жен во всем этом разобраться.

Инспектор уголовной полиции Джон Робинсон произнес:

– Зовите меня Джек. Все меня так зовут. – Робинсон прибыл в пансион на Брансвик-стрит в выдавшем виды полицейском автомобиле, подогревшем темперамент привередливого маленького судебно-медицинского эксперта. Доктора Джонсона вызвали во время игры в гольф, у одиннадцатой лунки. Он долго боролся за капитанскую медаль и теперь демонстрировал естественную досаду человека, которого вынудили отказаться от двойного удара и шанса выставить самого известного в клубе скупердяя.

– Так что у вас для меня? – бросил он.

– Я знаю не больше вашего, доктор, – Джек Робинсон пожал плечами. – Дело ведет сержант Гроссмит. А вот и он, – с облегчением проговорил Робинсон, видя, как закипает от злости доктор. – Привет, Терри. Что там происходит?

Сержант Теренс Гроссмит был массивен. Его синий мундир по ширине можно было спутать с палаткой. Он был шатен с редующими волосами и большими, ясными карими глазами, излучающими такое спокойствие и доброжелательность, что самые тяжелые преступники, неожиданно для себя самих, признавались ему, почувствовав всю нелепость содеянного. О его знании местных нравов ходили легенды. Родившийся и выросший на Брансвик-стрит, он знал каждого заслуживающего внимания торговца, зеленщика, жестянщика, домовладельца и вора. Ему было известно место каждого мало-мальски провинившегося преступника, любой подсадной утки, каждой женщины легкого поведения, равно как и

каждое тайное местечко, каждый тайный уголок, любой магазинчик, торгующий контрабандным спиртным, любое хранилище краденого – на протяжении всей этой печально известной улицы. И ему нравилось это место. Он никогда не стремился к повышению по службе лишь по той причине, что не хотел покидать любимое место.

Робинсону нравился Гроссмит. Как правило, к приезду инспектора он уже знал не только кто совершил преступление, но и где он живет и кому приходится братом. Однако сейчас образцовый полицейский казался весьма озадаченным. Он запустил мясистую руку в редящую шевелюру и нахмурился.

– Странное дело, сэр, и люди какие-то странные, – сказал он неуверенно. – Не знаю, что и подумать.

– Но это убийство?

– Да, сэр, все верно. Это убийство. Ясно, как дважды два. Доктор, пожалуйста, сюда. Думаю, ребята уже выставили дверь.

– Никак не могу понять, почему это ваш непросвещенный отдел не может подождать с вызовом, пока не обнаружится реальный труп. Если вы не могли открыть дверь, то откуда вам было знать, что это убийство? – Голос доктора звенел от гнева. – И вы вытащили меня в воскресный день с гольфа просто потому, что кто-то что-то увидел в замочную скважину?

С высоты своего шестифутового роста сержант посмотрел

на низенького, коренастого доктора и спокойно произнес:

– Нет, сэр. Один из моих полицейских заглянул в окно с крыши и едва не разбился. Дверь изнутри закрыта на задвижку, но это точно убийство.

Кровь протекла через потолок в комнату снизу, и констебль сказал, что комната в ужасном беспорядке. Ну вот, – добавил он, услышав удар и треск, нарушившие воскресную тишину. – Пожалуйста, доктор. Сюда, сэр.

Доктор Джонсон важно поднялся по ступеням в пестрящий театральными афишами холл и направился по лестнице вверх, вслед за огромной фигурой сержанта Гроссмита. Робинсон шел сзади. Как с ним обычно бывало, в начале дела его охватывали уныние и усталость. Так много зла в этом мире... – «... Век расшатался, и скверней всего, Что я рожден восстановить его...»¹ – процитировал он про себя. Лекции по английской литературе в Институте механики, куда его водила жена помимо его воли, оказались очень полезными. На Шекспира всегда можно положиться – уж он-то всегда попадает в точку. «И что бы я без него делал», – подумал Робинсон.

Он вошел в чистый коридор, застланный циновкой из волокна кокосового ореха. Дверь третьей слева комнаты была разбита, и двое тяжело дышащих полицейских вытаскивали обломки. Это была хорошая, прочная дверь, отметил Робинсон и остановился на пороге. Не то что современная хлип-

¹ Перевод М. Лозинского. – *Здесь и далее: примеч. пер.*

кая ерунда – столярная работа прошлого века, когда считалось, что дверь – не дверь, если она не весит полтонны и не сплошь деревянная. Он рассмотрел то, что осталось от расшатанных железных петель, которые оказывали сопротивление двум констеблям с ломом целых десять минут. По всей видимости, для убитого большое значение имело его личное пространство.

Комната была хоть и на последнем этаже, но очень маленькая. Выкрашенные в голубой стены, кремовый потолок темноватого оттенка. Разводы на штукатурке, где протекала крыша. Но в целом все было в неплохом состоянии. Пол не был застлан ковром, только в середине лежал небольшой квадратный коврик. На стенах – брызги крови, но большая ее часть стекла лужицей на пол рядом с кроватью, откуда она и просочилась через щели прямо в чай миссис Уизерспун. Робинсон ненавидел запах крови. «Кто б мог подумать, что в старике так много крови?» – подумал Робинсон вместе с Шекспиром.

В комнате находились гардероб, туалетный столик, уставленный косметикой, стул с мужским халатом, перекинутым через спинку, и большой чемодан, на котором черными с золотом буквами было выведено CHRIS/CROSS. Стены украшали два эстампа с английскими пейзажами и набросок прекрасной девушки, скачущей верхом на белой лошади. Робинсон наконец осознал, почему он осматривает комнату: ему не хочется видеть тело убитого. Ему так и не удалось

привить себе интерес к осмотру трупов.

– Сюда, – подозвал его сержант полиции. – Вы только посмотрите, Робинсон! Ведь это по всем признакам комната мужчины. Как вы находите? И обитатель ее мужчина. Ну знаешь, скажу я тебе нечто... Человек в этой кровати определенно мертв. Заколот прямо в сердце. Но труп-то – не мужчины! – Он отвернул пропитанное кровью одеяло и открыл грудь трупа. Под джентльменской пижамой была маленькая, но красивой формы женская грудь...

Глава 2

*И в жизни женщины тоже есть приливы,
Влекущие к неслыханным делам,
И дерзок тот моряк нетерпеливый,
Который доверяет их волнам!*

*Джордж Гордон Байрон. Дон Жуан. Песнь 6. (перевод
Т. Гнедич)*

Фрайни Фишер лениво обводила взглядом воскресное утро из горизонтального положения. Она подумала о том, что стоило бы уже подняться с ее зеленых простыней и сотворить нечто энергичное, типа плавания или резвой прогулки по морскому побережью в Сент-Килда. Она подумала об этом, еще разок устроилась поудобнее на подушке. Ее любимчик Линдси готовился к экзамену по праву, который ему действительно нужно было сдать в этом году, а потому сидел затворником в заваленных горами учебников комнатах, в панике накачивая себя кофе. Приемные дочери ее все еще были в школе. Друзья-коммунисты Берт и Сек участвовали в забастовке на набережной. Банджи Росс, летчик, куда-то улетел с летающим цирком, так что на горизонте не было ни одного приятного молодого мужчины. Казалось, причин вставать, проходить через всю процедуру одевания не было никаких: не было никого из тех, кого хотелось бы видеть, и

ничего из того, что ей хотелось бы сделать.

Пять часов. Фрайни до сих пор ничего не сделала. За весь день... Однако она проголодалась. Она встала, пригладила свои совершенно черные и совершенно прямые волосы и пошла принимать холодный душ.

– Дот! – позвала Фрайни. – Черт! – добавила она, вспомнив, что Дот, должно быть, в церкви.

Тщательно все взвесив, она приняла душ, надела легкое платье из хлопка, зеленые сандалии и спустилась вниз, проверить вероятность позднего ланча или раннего обеда. Ее подждал стол с холодными закусками и с запиской, приколотой к муслиновой сетке, предохраняющей блюда от мух.

«Дорогая мисс Фишер!

Мы с мистером Б. уехали на свадьбу моей племянницы, как мы и договаривались на прошлой неделе. Вернемся домой до полуночи.

Миссис Батлер».

Фрайни сдернула салфетку, и бокал, за который она задела краем, опрокинулся и с грохотом разбился об пол. Бокал был из набора, который она привезла из Венеции, на изысканной крученой зелененькой ножке. Замены ему не найти.

Фрайни выругалась и почувствовала себя лучше. Она отправилась к шкафу с хозяйственными принадлежностями, нашла там ведро и щетку, подмела пол и выбросила осколки в мусорную корзину. На кухне она достала стакан.

– Сейчас я сяду, съем немного салата и пойду прогуляюсь, – сказала она вслух. – Сегодня я явно не в своей тарелке и не подхожу ни для какой компании, хоть бы она и была. А ее таки нет...

От неожиданного прикосновения к ее колену она подпрыгнула на стуле. На поверку оказалось, что это был черный кот Эмбер, вежливо намекнувший, что ему тоже хотелось бы ветчины. Фрайни рада была его видеть и предложила нарезанную полосками ветчину, специально, чтобы он взял ее прямо с руки. Именно это он и сделал, причем с деликатностью, обворожившей Фрайни, позволив еще и погладить его гладкую черную спинку и, подняв вверх мордашку, заглянуть в его зеленые, как листья, глаза. Потерпев некоторое время ее обращение, он отвернулся и принялся за умывание. Фрайни смотрела, как он доел остатки ветчины и отведаль немного сыра. Точными движениями вылизав каждую лапку, он поочередно потер ими за каждым ухом.

Фрайни налила себе бокал сухого вина и собралась было наблюдать за процедурой умывания Эмбера, как тот вдруг встал, наострил уши и бросил резкий взгляд в сторону холла. Затем кот поднялся и направился к двери в кухню. Аудитория была окончена.

Кто-то позвонил в дверь.

Фрайни ждала, пока через некоторое время не вспомнила, что в доме больше никого нет. Она поставила стакан и пошла открывать. Да, этот день явно испытывал ее на прочность...

Распахнув дверь, она оказалась лицом к лицу с горой разряженной плоти. Женщина с рыжими волосами и змеей вокруг шеи с интересом осматривалась. Из-за нее выглядывало прекрасное лицо темного мужчины. Фрайни подняла глаза выше и весело проговорила:

– Самсон! Заходи. Смотри только – здесь притолока. Низковата. И Дорин! И Алан Ли! Дорогие мои, как я рада вас видеть!

В холл Фрайни, который до этого никому не казался маленьким, вошел Самсон. За ним проследовали Алан Ли и женщина со змеей. Пораженные роскошью, они стояли сбившись в кучу, пока Фрайни не повела их в гостиную, куда они послушно последовали за ней, и не рассадил их по местам. Единственным подходящим по размеру местом для Самсона оказалась софа, и та закрипела, когда он на нее уселся.

– Домик очаровательный, – сказала Дорин, раскрутив змею и позволив ей соскользнуть на ковер. – Посмотрите только на эти мягкие шторы, на эти картины и все эти синне-зеленые тона. Такое ощущение, будто ты в море погрузился. – Она уставилась на картину – обнаженная натура в полный рост – под названием «Источник». Потом бросила взгляд на Фрайни. Сомнений в отношении модели быть не могло.

– Что будете пить? – спросила Фрайни. – Есть пиво и вино.

– Я бы выпила чашечку чая, – сказала Дорин. – А как вы, ребята?

– Вино, – ответил Алан Ли, – если вы не против.

– И я бы выпил глоток пива, – проговорил силач.

Дорин прошла на кухню, и Фрайни услышала, как звякнул о плиту чайник, как включился газ. Она подала Самсону бутылку пива, а Алану Ли вино в своем бокале. Как-то раз, когда странствующий цирк расположился на Уильямстоун-роуд, она провела с ним ночь в кибитке, и об этой встрече у нее сохранились самые приятные воспоминания. Как детектив, она как-то раз помогла ему решить небольшую проблему: сорвала попытку ложного обвинения его сестры в краже. Обрадованная, что к ней пришли, она дружески улыбнулась ему и Самсону. Фрайни не любила оставаться в одиночестве.

– Итак, друзья мои, – сказала она, когда Дорин вернулась с чаем, – что привело вас сюда?

– Последнее время мы следуем за Фаррелом, – сказал Алан Ли хриплым голосом. – Я с каруселью, а у Анны – тир. Анна бы тоже пришла, но ей нездоровится. Обычно всех подташнивает по утрам, а у Анны в полдень начинается.

– О! – Фрайни воздержалась от комментариев. Когда они последний раз встречались, Анна была не замужем.

– Она моя жена, – гордо заявил Самсон. – И мы ждем ребенка.

– Самсон, дорогой, поздравляю!

– Так вот, мы ездим с Фаррелом уже шесть месяцев. Хорошие представления. Может, ты видела рекламу в газетах: «Цирк Фаррела и шоу диких зверей». Старина Фаррел дела-

ет свое дело, как до этого делали его отец и его дед. Фаррелы всегда были верны цирку. А наша балаганная ярмарка всегда следует за цирком, мы располагаемся снаружи, с киосками и представлениями. Не отвлекая посетителей от главного зрелища, мы просто развлекаем часть аудитории. Мы нужны цирку, а цирк нужен нам.

Алан Ли осушил бокал, поставил на стол, и Фрайни заново его наполнила. На смуглое лицо Алана легла тень, он крепко сжал челюсти. Фрайни поняла, как он обеспокоен.

– Но что-то пошло не так, – сказал Алан, подтверждая ее догадку. – У Фаррела что-то не ладится.

– Что именно?

– Разные неприятности. Сплошное невезение – никак не может из него выбраться. Будто кто проклятие на него наложил.

Алан провел рукой по лбу. Наполовину цыган, как бы рационально он ни мыслил, вера в проклятия никуда не делась. Фрайни взяла его за руку. Мозолистая, твердая рука. Его пальцы сжали ее ладонь с удивительной силой.

– Послушай, – вновь заговорил он. – У них был роскошный цирковой пони по имени Сокс. Не умел разве что разговаривать. Никогда не встречал таких лошадок, как он. Мог и прыгать, и танцевать, и мисс Янгер могла вытворять с ним что угодно. И вот, два месяца назад Сокса нашли мертвым прямо на его месте, среди лошадей. Остальные все в полном порядке, а Сокс – мертв. Говорят, отравился, съел ка-

кую-то травку. Может быть... Но наесться так, чтобы отравились взрослое животное...

– Не повезло, – сказала Фрайни.

Он сжал ее руку до боли.

– Нет. Это только начало. Мы следовали за Фаррелом все это время. Они приехали в город на прошлой неделе, и это было не единственное несчастье. Смерть Сокса – только начало. Потом порвался канат. К счастью, никто не пострадал: сработала страховка.

– Что за страховка?

– Такие специальные лямки на длинной веревке. Их надевают воздушные гимнасты, чтобы не упасть. Я имею в виду, чтобы не упасть на землю. Говорят, что канат был старый, перетерся о перекладину. Но я-то знаю, что Сэм Фаррел заменил все канаты на новые еще перед началом поездки в августе. И все время, пока мы ехали по побережью, что-нибудь да случилось. Мы были в Джилонге, помнишь, Дорин, когда случился пожар?

Дорин покачала головой, отбросив назад свои изумительные рыжие волосы. Змея удобно устроилась, обвив ее кольцами и положив чешуйчатую голову на ноги Дорин.

– Нет, первый был в Литтл-Ривер. Начался в палатке у мужчин. Говорили, кто-то бросил окурочек... В Джилонге был второй. Начался с бачков с тряпьем, у карусели.

– И если б я не был настороже, остался бы без работы, – заметил Алан. – Пожар-то был небольшой, да дыма много.

Распугал пантер. Не знаю, кто поджег, но ясно, что сделано это было с определенной целью. Я никогда не оставляю топливо около карусели. Оно хранится у меня под фургоном. Но там я почувствовал запах бензина.

– А что было потом? – Фрайни поднялась и протянула Саймону еще одну бутылку пива. Первой и след простыл.

– А потом было дело со мной, – вступил Саймон. – Я сильный, это правда. – Он самодовольно напряг бицепсы. – И у меня никогда не было проблем с ребяташками в этих городках. Ну, они всегда держались от меня подальше. Но здесь на меня налетели на улице четверо. Уже было темно, и они с ножами. Местные не ходят с ножами. Никогда так не нарывался. Если б Алан их не увидел и не прибежал на помощь – они бы меня убили. – Он расстегнул рубашку и показал длинный шрам, который проходил через грудь к плечу. – Целились в сердце. И Алана они порезали. Местные не стали бы на меня нападать. Это были, – он тщательно произнес слово, – наемники.

Алан Ли отвел руку, сжимающую ладонь Фрайни, и она провела рукой по порезу на его спине. Сделан он был очень острым ножом, и от него остался шрам в три дюйма длиной.

– Сувенир от Колака, – сказал Алан с невеселой улыбкой. – В ту же ночь банда напала на главного по оборудованию в цирке Фаррела. Пересчитали все ребра. В результате десять переломаны, и он все еще в больнице. А он – самое важное лицо в цирке. Все от них зависит...

– И у нас постоянно какие-то неприятности. Все время, – заключила Дорин. – Сиди тихо, Джо! Глупая ты змея... По мелочам: брони отменяются, звери заболевают, публика реддеет. Ну, если что-то одно из этого, еще можно понять, но когда все вместе!.. Ясно, Фаррел в беде. Да, старина Фаррел волнуется. Конечно, это вам не такое большое шоу, как Вертс, которые всю зиму проработали в Олимпии. Фаррелу за сезон нужно набрать достаточно, чтобы расплатиться за зимовку; да еще счета ветеринаров и корм для зверей... Думали, что вернемся в Мельбурн и на новое шоу подпишемся – многие уже так и сделали, да, говорят, нас сглазили... А мне у Фаррела нравится. Поэтому я пошла к Маме Розе.

Алан Ли в изумлении уставился на Дорин.

– Ты ходила к цыганам? – спросил он с недоверием. – Да ты ж не веришь во все эти предсказания, Дорин. Это же все выдуманно. – Он перевернул ладонь Фрайни и заговорил фальцетом: – Ты отправишься в долгое путешествие по реке и встретишь черноволосого мужчину, выйдешь за него замуж, родишь десятерых детей и будешь счастлива. Ерунда это все, Дорин. Предрассудки!

Фрайни убрала руку, а Дорин покраснелась от гнева.

– Просто я подумала, что нужно это сделать. Раньше она мне все правильно говорила. Она предсказала мне, что мама выйдет замуж и оставит мне змей и жаворонка Принцессу Амазонки. И вообще, прекрати лезть в бутылку, Алан. Ты просто никак не можешь простить своей матери, что она бы-

ла цыганкой. И если я захотела пойти к гадалке, то тебе-то какое до этого дело?

Джо, огромный питон, которого она назвала в честь Сталина, поднял голову с ног Дорин, затем все свое тело фута на три в воздух и стал делать резкие движения языком. Алан не стал продолжать спор. Фрайни рассудила, что не стоит спорить с женщиной, у которой такой оттенок волос и под началом которой десятифутовый, отлично натренированный удав. Дорин погладила змею и продолжала:

– Она погадала мне на картах. Не так, как обычно гадают на пикового короля, за которым стоит некий брюнет. Я вижу разницу! Она тоже разволновалась и не давала мне посмотреть в карты. Это настоящие старинные карты Таро, с картинками. Она вытащила восьмерку жезлов, перевернутую...

– И что? – Алан Ли налил себе третий бокал вина, и Фрайни заметила, что руки у него задрожали. По всей видимости, он знал, что означает эта карта.

– Так вот она сказала, что это никакой не сглаз и не проклятие. Ничего подобного. Это злобный и коварный враг. Еще она сказала, что цыгане тоже волнуются из-за Фаррела и подумывают о том, чтобы оставить его, но просто сейчас нет ничего другого. Она сказала, что враг этот – мужчина, высокий, седой, и что не пройдет и трех дней, как я его встречу. И еще, что в течение двух недель еще раз прольется кровь, но не в цирке. И вот два дня спустя я встретила партнера Сэма Фаррела. Его зовут мистер Джонс; он высокий и седой. А вот

сейчас мы пошли к мистеру Кристоферу, и оказалось, что он мертв. Заколот насмерть в пансионе на Брансвик-стрит. И вот мы пришли к тебе...

– Но почему именно ко мне? – спросила Фрайни смутившись.

Самсон недовольно фыркнул:

– Женщины вечно все рассказывают шиворот-навыворот! Эта старуха, мисс, сказала, что проблему можно решить, но только если мы найдем черноволосую женщину с зелеными глазами. И чтоб фамилия ее начиналось с Ф. И вы только одна подходите. – Он опять сел и посмотрел на нее с надеждой и верой.

– Я думаю... – проговорила Фрайни в замешательстве, – думаю, что сейчас нам лучше перекусить что-нибудь.

Инспектор по уголовным делам Робинсон осмотрел труп. Женщина лежала на спине; голова на подушке валиком, глаза смотрели вверх. Инспектор отметил, что глаза голубые, и закрыл их. Они сразу же открылись вновь.

– Окоченение трупа отсутствует, – сказал хирург, – потрогав мягкую, как воск, шею и точеные скулы. Причина смерти – обильное кровотечение из глубокой колотой раны. – Он осторожно прикоснулся к трупу. – Да, прямо в сердце. Я бы сказал, что и ребро перебито. Труп, должно быть, немного сдвинули, либо в момент смерти, либо после ее наступления. Вероятно, для того, чтобы извлечь нож. По этой причине так

много крови. Вы же понимаете, артериальное кровотечение – кровь бьет фонтаном. – Робинсон сглотнул. – Нужно искать большой, тяжелый нож, Робинсон, дюймов семи в длину, обоюдоострый, около дюйма шириной. Остальное смогу рассказать вам некоторое время спустя.

– Время смерти?

– Не могу сказать. Здесь тепло. Может, два часа назад. А может, и больше, около десяти. Принимая во внимание погоду, могу допустить, что смерть наступила после того, как рассвело. Часов шесть назад.

Робинсон осмотрел лицо, стараясь не смотреть в открытые глаза. Женщина была довольно высокая, стройная. Маникюр на руках. Волосы коротко подстрижены, а на коже непонятный глянцевитый крем. Он дотронулся до холодной щеки и понюхал руку. Кольдкрем. На красивом лице не было ничего, кроме удивления. Хорошо, что так. Робинсона во сне преследовали лица умерших в муках людей.

Констебль Харрис, который уже осмотрел пол, старательно избегая лужу с засыхающей кровью, представил свои находки. Маленькая бутылочка из-под патентованного снотворного, уже пустая; одна запонка, две пуговицы, оторванная полоска тонкой бумаги со следами крови на конце, краска для век и маленькая записная книжка в замшевом переплете.

– Возможно, в эту бумагу заворачивали нож, – заметил Робинсон. – Что-нибудь еще? Нет? В таком случае, сержант

Гроссмит, нужно начинать поиски орудия убийства. Вы слышали его описание, Терри?

Сержант Гроссмит кивнул. Он вышел, прихватив с собой второго констебля. Робинсон вернулся к трупу. Рана, от которой женщина умерла, выглядела ужасно. Тот факт, что смерть наступила мгновенно, произвел на маленького доктора впечатление почти приятное.

– Она ничего не почувствовала, – пробормотал он. Голубые глаза на восковом кукольном лице смотрели на Робинсона ничего не выражая.

Констебль Томми Харрис открыл гардероб и осматривал одежду. Он позвал Робинсона, который рад был отойти от мертвой.

– Да. Что там?

– В этой комнате, по всей видимости, жили два человека, сэр. Посмотрите – вот мужская одежда: брюки, костюмы, галстуки, ботинки. И женская одежда... белье, и туфли тоже. – Констебль слегка покраснел, а Робинсон усмехнулся. Он снял пару брюк и приложил их, примеряя, к облегающему платью.

– Думаю, сынок, это более необычный случай. Что-то я тебя раньше не видел. Как твое имя?

– Констебль Харрис, сэр.

– Кто живет в этом доме и где они все?

– Хозяйка дома, сэр, миссис Уизерспун. Ее тошнило, и она прилегла. Девушка из кордебалета, мисс Минтон; она

сейчас с пожилой леди. Еще парень, фокусник на арене, настоящее имя – Шеридан. Он внизу, в гостиной. И леди по имени Паркс, актриса, она тоже здесь. А с ними мой напарник, сэр.

– Хорошо. А что там за история с крышей?

– Сэр, я хотел убедиться, что там не просто кто-то крепко спит. Ну и я вылез на крышу; я и не предполагал, что она такая покатаая, да еще и скользкая. И когда я увидел его, я имею в виду – ее, лежащую в крови, я потерял равновесие. А миссис Паркс выскочила на крышу и втащила меня обратно. Она ловкая, как кошка на гладкой крыше...

– Понятно. Необычная ловкость для актрисы... – Робинсон посмотрел на смутившегося Харриса. Что-то он недоговаривал старшему по званию. В конце концов Томми Харрис, преодолевая себя, сказал: – Я узнал ее, сэр. Она та женщина, что убила своего мужа в цирке десять лет назад. Ее имя было...

– Ох, и правда. Миссис Фанточини. Они ее выпустили? Я помню это дело. Муж ее бил, изменял ей, украл ее серьги и проиграл... Отвратительно. Потом он еще предложил ей пополнять их бюджет, подрабатывая недостойным образом. Неудивительно, что она смазала его трапецию. Я ходил посмотреть на ее выступления, когда дети были маленькие. Грациозная, как птичка, она так кувыркалась в воздухе! Гм... И она без труда прошла по этой опасной крыше?

– Да, сэр.

Робинсон вернул на место одежду и начал осматривать окно. Оно было открыто.

– Когда ты заглядывал внутрь, окно было открыто? – спросил он.

– Да, сэр.

– Никакой пыли на подоконнике. Хозяйка содержит дом в чистоте. А жаль. Ни пятнышка. Никакого признака, что что-то проникло внутрь. Или кто-то. Доктор?

– Да. Что там?

– Женщина могла нанести такой удар?

Маленький доктор сдвинул очки на лоб и посмотрел пристально.

– Это должна быть необыкновенная женщина. Такой удар быка свалит.

– Да, но женщина, о которой я подумал, необыкновенная, – ответил инспектор по уголовным делам Робинсон. – Пошли, констебль. Я хочу видеть миссис Паркс.

Он оставил полицейского врача заполнять свидетельство и пошел по коридору. Констебль Харрис потянул его за рукав. У лестницы инспектор обернулся.

– Что, констебль?

– Сэр... Миссис Паркс...

– Да, что по поводу миссис Паркс?

– Сэр, она спасла мне жизнь.

– Да, – ответил инспектор по уголовным делам Робинсон и стал спускаться по ступеням. – Так оно и есть.

В питейном заведении под названием «Голубой бриллиант», что подальше на Брансвик-стрит, мистер Альберт Эллис мрачным взглядом оценивал политическую ситуацию. Его сотрудники нервничали. Самих чертей в аду охватывала дрожь, когда босс ребят Фицроя оценивал политическую ситуацию.

Мистер Эллис был маленький темноволосый человечек, одетый в голубой костюм. Его отличительным признаком, как и было указано в отчетах по уголовным делам сержанта Гроссмита, был крысиный оскал. Прекрасно осведомленный о столь резко бросающемся в глаза украшении, мистер Эллис никогда не улыбался.

Оптовик Луис, торговец сомнительными товарами, посмотрел на Бешеного Дылду, чье настоящее имя было Януш и который запросто мог сгибать голыми руками листовой металл. Бешеный Дылда посмотрел на мистера Эллиса, так как смотреть и ждать чего-либо вразумительного от сидевшего рядом с ним на скамье Циклона Фрэдди не имело смысла. Всем было известно, что с тех пор, как Фрэдди завершил свою карьеру борца на ринге, нокаутировав местного констебля, он уже не был таким сообразительным, как раньше. Впрочем, и до того сообразительностью он не отличался. Отличался он склонностью принимать за оскорбление любой взгляд в свою сторону. А потому ни один здравомыслящий человек не хотел до этого доводить.

– В чем проблема, босс? – спросил Луис.

– Проблема есть. Бранниз заходят на нашу территорию. Они украли выручку на обувной фабрике. Только что имел об этом разговор. Это ребята Черного Блейка. А закрытую информацию они получили от этой суки Милашки Ирис.

Оптовик Луис кивнул. Остальные сидели, ожидая распоряжений. Альберт Эллис прицелился и выстрелил в своих людей как снайпер.

– Мы не можем этого допустить. Не правда ли? – Он поднял глаза. – Так что, можем или нет?

– Нет, босс, – ответил Оптовик Луис. Ему вторило эхо голосов. – Но мы связаны по рукам, – добавил Луис. – И все из-за того, что Джонси свалил. Когда вы ждете его назад, босс?

– Когда работа будет сделана. Может, через пару месяцев. Это к делу не относится, Луис. Мы расправимся с Бранниз одной левой. Нужно что-то придумать, – добавил он медленно. – У меня есть идея. Элси Ящерица еще не ушла?

Глава 3

И я, состарившаяся, куда полечу я, замерзшая в зимнюю стужу пчела...

Смертью захваченная в рабство, что уж форму надгробного камня мне придает.

Эврипид. Троянки

Миссис Амелия Паркс и мистер Роберт Шеридан неловко сидели на краешке софы из конского волоса в шикарной гостиной миссис Уизерспун. Фокусник отработывал трюки. Оставленный следить за парой, констебль наблюдал как замороженный за тем, как обычная монетка блестела и внезапно исчезла в длинных пальцах фокусника. Казалось, сама комната пропиталась усталостью. Миссис Паркс вся собралась: ноги вместе, спина прямая, глаза уставились в одну точку на полу.

– Ууупс, цветочек! – пробормотал мистер Шеридан. – И извлек яйцо из уха констебля.

Фокусник был довольно высокий, с овальным лицом и начальными признаками второго подбородка. Волосы темные, как вакса, и темно-карие глаза. Бледный, с длинными красивыми руками, он создавал ощущение стиля и изящества. Даже после убийства, причинившего боль ему лично, он такой новенький и аккуратненький, будто прямо из магазина, по-

думала миссис Паркс, и это не укладывалось у нее в голове. Она отдавала себе отчет, что ее пребывание на крыше сказалось на состоянии ее чулок и что волосы у нее стоят дыбом. В душе она панически боялась представителей закона и полицейских. Даже спокойный, нейтральный голос инспектора по уголовным делам, раздававшийся из-за двери, приводил ее в такой ужас, что она боялась упасть. Она вся дрожала.

– Слушайте, миссис Паркс, с вами все в порядке? – спросил мистер Шеридан.

– Нет, я не в порядке, – бросила она. – В доме произошло убийство. И это может испортить спокойное мирное воскресенье. И мне нравился мистер Кристофер.

– Что же теперь, посыпать голову пеплом? – сказал уязвленный мистер Шеридан. – Вы знаете, как долго я ее любил, сам не в себе от мысли, что она мертва... моя прекрасная Кристина. Вот, у меня даже этот простой фокус смазался. Руки дрожат. Долго они еще собираются нас здесь держать?

– Пока не будут готовы с нами разговаривать.

– Вы белы, как простыня, миссис Паркс. Не хотите прилечь?

– Нет, я в порядке, мистер Шеридан.

– Но вы так выглядите... – сказал он. – Вы уверены, что...

– Бога ради, оставьте меня в покое! – голос миссис Паркс поднялся на опасную высоту. Мистер Шеридан отодвинулся и пересел на стул около двери. Он боялся истеричных женщин. Глаза миссис Паркс блестели, и она судорожно вцепи-

лась в подлокотник.

Стоявший у двери констебль мягко сказал:

– Уже недолго, мисс. Я слышу, они спускаются по лестнице. А потом я попрошу ту слабоумную служанку приготовить вам чай.

– Кто ведет дело?

– Инспектор по уголовным делам Робинсон, мисс.

По всей видимости, имя ничего не сказало миссис Паркс. Она еще сильнее вцепилась в подлокотник.

– Что они делают, констебль?

– Обыскивают дом, мисс. Ищут орудие убийства.

– Орудие? – едва выдавила она из себя сквозь онемевшие губы.

– Да, мисс. Нож.

– Понимаю.

В холле послышались шаги, и дверь открылась. В нее заглянул Томми Харрис.

– Мистер Шеридан, – сказал он. – Инспектор по уголовным делам хочет вас видеть. Здравствуйте, миссис Паркс. Я принес вам чай.

Приставленный к ним констебль вывел мистера Шеридана из комнаты. Констебль Харрис подал миссис Паркс чашку крепкого сладкого чая и сказал:

– Выпейте, миссис Паркс. Лучше себя почувствуете.

Миссис Паркс, которую приучили к послушанию, выпила обжигающий чай и, как и приказали, почувствовала себя

лучше.

Фокусник вошел в сопровождении добродушного полицейского. Шатен, с карими глазами, он обладал ничем не выделяющейся внешностью, но голос его был низок и приятен.

– Мистер Роберт Шеридан, правильно? Садитесь, пожалуйста, сэр. Мы вас долго не задержим. На данный момент вы единственный мужчина в доме, и мы попросим вас сделать одну неприятную вещь. Надеюсь, вы нам поможете.

– Да, сэр?

– Мы знаем, что проживавший в комнате был мужчиной, а труп, который мы там обнаружили, – труп женщины. Нам нужно провести идентификацию. Вы могли бы это сделать для нас?

– Да, – сказал Шеридан, – но...

– Но?

– Мне кажется, вы неправильно поняли насчет Кристины, – медленно проговорил Шеридан. – Она... она была одной из тех, кто родился с отклонениями... Родился двуполым, ну, понимаете, что я имею в виду. Кристина и Кристофер. Ей ничего не оставалось, как только пойти в цирк.

– Вы хотите сказать, что эта женщина была мужчиной? – с недоверием спросил Гроссмит. Робинсон улыбнулся.

– Она так прекрасна, – не смирялся Шеридан. – Не могу поверить, что она мертва. Конечно, она никогда даже не смотрела в мою сторону. У нее были признаки обоих полов. Она – уродец. Фрик, – отрезал он.

– И миссис Уизерспун знала о нем?.. Я имею в виду о ней?

– Конечно. Кристина работала в цирке Фаррела. У нее даже был такой номер в программе: полумужчина – полуженщина. Вы же понимаете...

– Гермафродит, – сказал Робертсон. – Я об этом слышал.

– Она не была «оно», – запротестовал фокусник. – Это была самая прекрасная женщина на свете из всех, которых я встречал. Я ее любил, и мне дела нет, знают об этом или нет! А тупым полицейским лучше оставить свои усмешки при себе.

Теренс Гроссмит фыркнул:

– Как вы только что сказали, она была уродом. И кто-то оказал ему услугу, лишив жизни.

Мистер Шеридан взревел и бросился к Гроссмицу, пытаюсь схватить последнего за горло. Но тот без труда утихомирил его и усадил на стул. Фокусник уткнулся в шелковый носовой платок, из которого выпорхнул еще один голубь. Инспектор Робинсон обернулся к коллеге и одарил его таким «лучистым» взглядом, что тот в смущении пробормотал извинения.

– Успокойтесь, мистер Шеридан, – сказал Робинсон. – Теперь расскажите мне о себе. Вы работаете в цирке Фаррела?

– Я – сценический фокусник, – высокомерно произнес Шеридан, заткнув платок за рукав с отработанным изяществом. – Я работал во всех больших цирках: Соул Бразерз, Вертс. Но они не оценили мои таланты, поэтому я снизошел

до Фаррела. Это не то, к чему я привык, но опыт участия в таких небольших шоу приносит свежую струю в работу фокусника.

Робинсон мог бы оспорить многое из того, что услышал. Было очевидно, что мистер Шеридан совсем не из числа лучших цирковых фокусников, и его высокопарная речь начала действовать полицейскому на нервы.

– Продолжим, мистер Шеридан. Давайте вернемся к пострадавшему.

– Я не могу выносить вид крови, – с готовностью ответил Шеридан. – Особенно ее крови, Кристины. – Он разрыдался. – Не могли бы вы пригласить миссис Паркс? Вот кто холоден как лед в таких ситуациях. Она никогда на кровь не обращала внимания. Помню, как Тилли отхватила полпальца ножом. Одна только миссис Паркс сохранила самообладание. Она остановила кровь, отвезла хулиганку к доктору, и палец спасли. И вашего констебля она вытащила с крыши – а там высота тридцать четыре фута. Я бы испугался.

– Это очень интересно, – заметил сержант. – Не боится вида крови, говорите? И ее с... Извините, сэр.

Инспектор по уголовным делам Робинсон подумал, что одному Провидению известно, как измучили его коллеги. Он потушил свой гневный взгляд и проводил мистера Шеридана наверх.

Кровь на полу подсыхала. Полицейский фотограф таскал вверх-вниз по лестнице свою аппаратуру. Полицейский врач

поделился открытием.

– Робинсон, посмотрите-ка вот сюда, – сказал он, открывая нижнюю часть трупа. – Я был не прав, объявив его женщиной. Это гермафродит. Искусное соединение женщины и мужчины... Ох, прошу прощения, – добавил он, увидев мистера Шеридана. – Он вернул одеяло назад и отошел в сторону, позволяя Шеридану взглянуть на лицо. Шеридан побледнел и облокотился на сопровождавшего его констебля.

– Это Кристина... О боже, моя Кристина! – произнес он, вздыхая. – И эта кровь кругом... – И он аккуратно свалился в обморок у порога.

Инспектора по уголовным делам Робинсона приняли в комнате миссис Уизерспун. Комната была темная, пропахшая розами и настолько заставленная вещами, что инспектор подумал, что никогда ничего подобного не встречал. Стены увешаны театральными афишами. Всякое свободное пространство было заставлено столиками с вазочками, всевозможными безделушками, сувенирами и фотографиями в рамках, в большинстве своем отображающих молодую пышногрудую миссис Уизерспун, с улыбкой позирующую перед камерой. На стене висела огромная картина маслом, с изображением того же объекта, в развевающихся одеждах, созерцающего букет лилий. Мисс Мinton, подавленная и напуганная, сидела рядом с большой кроватью с грудой подушек, в глубинах которой возлежала миссис Уизерспун, периоди-

чески рыгавшая и изливавшая потоки слез.

– Давайте же, миссис Уизерспун, соберитесь! – подбадривала ее мисс Минтон высоким голосом. – Пришел полицейский, хочет вас видеть.

Это вызвало новый приступ рыданий:

– Ох, ох! Полиция в моем доме!

Инспектор Робинсон вспомнил своего институтского Шекспира.

– «О горе! Что в моем доме!» – процитировал он сам себе, а стоявший рядом Теренс Гроссмит поинтересовался:

– Что, сэр?

– Ничего. Вы, мисс Минтон, подождите, пожалуйста, снаружи. У сержанта Гроссмита есть несколько вопросов. А теперь, миссис Уизерспун, уделите мне минуточку и опять будете отдыхать.

Он отдернул штору, и холодный вечерний свет заструился в комнату. Миссис Уизерспун села, облокотившись на подушки, и зашмыгала носом.

– Я всего лишь хотел узнать, что вы делали сегодня, – сказал Робинсон. – И кое-что о ваших постояльцах.

– Мы поднялись поздно, потому что сегодня воскресенье, – заговорила миссис Уизерспун шепотом, – и завтракали в десять. Небольшой завтрак, потому что у нас чай в четыре. У нас всегда так по воскресеньям, поздний чай. Мистеру Уизерспуну так нравилось! – Она снова расплакалась, и Робинсон погладил ее по полной, с выступающими венами

руке.

– Ну конечно. И вы вели себя очень мужественно. Кто был за чаем?

– Все. Кроме мистера Кристофера... О, бедный мистер Кристофер!

– Вы знали о профессии мистера Кристофера?

– Конечно! – возмутилась миссис Уизерспун. – Он был в высшей степени уважаемым человеком и отличным парнем. Он не виноват, что родился таким. И у Фаррела очень достойное шоу. Знаете, я сама работала в театральных кругах. – Она окинула взглядом фотографии. – Я люблю людей театра. Мисс Минтон – танцовщица, а Шеридан – сценический фокусник. И миссис Паркс – актриса. В высшей степени уважаемые люди.

– Да-да, – успокоил ее Робинсон. – А за завтраком все были?

– Да. А потом все разошлись по своим комнатам. Мисс Минтон, думаю, пошла в церковь. Мистер Кристофер обычно тоже ходит, но в это утро он, казалось, был чем-то обеспокоен и сказал, что ему нужно написать письма. Его родственники... видите ли, они не встречаются, вы понимаете, это даже не обсуждается, но они переписываются. Они в Балларате, очень обеспеченные, как я понимаю. Но он, будучи таким, каков он есть, не мог оставаться в провинции. Люди так жестоки... Он не уставал повторять, что почувствовал себя счастливым только после того, как пришел в цирк Фаррела.

– Итак, все были на завтраке. И во время чая. А в промежутке, между завтраком и чаем, все уходили. Хорошо. Вы нам очень помогли, миссис Уизерспун.

– Спасибо. – Миссис Уизерспун поднялась выше на своих подушках. – Что-нибудь еще, сэр?

– Ваши постояльцы. Что вы можете о них рассказать?

– Мисс Минтон здесь почти уже год. Сейчас она не занята в шоу, поэтому работает официанткой в «Голубом бриллианте». Только на время, пока нет работы. Она, конечно, из современных, но очень хорошая девушка. Я не терплю аморального поведения в моем доме. Теперь мистер Шеридан. Он настоящий джентльмен. Обратите внимание: я думаю, что его отец был простым бакалейщиком. Но с хорошей репутацией – а это много значит! Важно, как и образование. Он у нас уже три месяца, а в доме хорошо иметь мужчину. В домах, где одни женщины, часто бывают ссоры. Миссис Паркс здесь только пару недель. Я не очень-то много о ней знаю, но она тихоня. Мистер Кристофер жил здесь уже три года. В Мельбурне он всегда у меня останавливался, – сказала она с гордостью и вновь залилась слезами. – Ох! Убийство в моем доме! Бедный мистер Кристофер! Кто совершил это ужасное преступление?

У мистера Робинсона ответа на этот вопрос не было, а потому он погладил домохозяйку по плечу и с чувством облегчения вернулся в коридор.

– Сэр, – гордо заявил сержант Гроссмит, – мы нашли вот

это. – Он протянул длинный тяжелый нож, весь в липком веществе коричневого цвета.

– Хорошо, где он был?

– В комнате миссис Паркс, сэр.

– Дверь была заперта?

– Да, сэр. Он был в корзине для мусора, завернутый вот в это. – Нож лежал на мятой светлой бумаге. Робинсон посмотрел на оружие.

– Никогда раньше не видел ничего подобного. А вы, сержант?

– Нет, сэр. Видел лезвия такой же длины, но рукоятка здесь очень тяжелая. Видимо, свинец добавлен для веса. – Он повернул нож, чтобы рассмотреть поперечник рукоятки – медный, с большими стеклянными камнями. – Я бы сказал, для сцены. Но со своей работой он справился – острый, как лезвие.

– Очень хорошо, сержант. Отправьте его в лабораторию: посмотрим, есть ли на нем отпечатки. Хотя я сомневаюсь. Убийца всю эту бумагу замотал вокруг него именно для того, чтобы их не было. В наши дни все знают про отпечатки пальцев, – вздохнул он. – Что ж, следующая мисс Минтон. Да где же она?

– Я отправил ее вниз, в гостиную, сэр, вместе с остальными. А этот трюкач что-то очень резко валится в обморок. Вам так не показалось, сэр?

– Да, Терри, я тоже так подумал. Дверь закрыта изнутри

на задвижку, окно открыто. Чрезвычайная сила удара. Для того чтобы залезть в окно, требуется необычная ловкость. Орудие убийства нашли в ее комнате. Рапорт со всеми доказательствами... Ее я оставлю на потом.

Джек Робинсон тяжело спустился по лестнице. Среди убийц ему очень редко попадались женщины, потому что женщин-убийц вообще мало. И обычно у них есть на то причины. Ясно, что у миссис Паркс была серьезная причина избавиться от мужа. Ему нравились смышленные женщины, и он восхищался женской смелостью. Миссис Паркс ему почти нравилась: она вытащила несчастного констебля Харриса с крыши быстро и умело. Ему не хотелось думать о возвращении миссис Паркс в тюрьму. Нет, поправил он себя, она не сядет опять в тюрьму. Миссис Паркс ждет или сумасшедший дом, или виселица; другого варианта нет. Робинсон опять вздохнул – оставалось надеяться, что она невменяемая. Вешать женщин – отвратительно. Он вернулся в гостиную.

Мисс Минтон, покинув свое место в объятиях фокусника, отвечала резко и возбужденно.

– Мы видели, как кровь капает с потолка. О, это было ужасно! – Она всхлипнула, ей эхом вторил мистер Шеридан. – Потом я пошла посмотреть, не из ванны ли это. А мистера Кристофера там не было. А тогда ваш констебль залез на крышу, и потом он сказал... Он сказал... – Всклипывания продолжились. Миссис Паркс не сдвинулась с места. Она так крепко сцепила руки, что побелели суставы.

– Миссис Паркс, что вы сегодня делали? – спросил Робинсон.

– Я пришла на завтрак, а потом вернулась к себе в комнату. Я легла спать, если вам это так важно. – Она говорила бесцветным голосом. Робинсону доводилось слышать такие монотонные ответы – у заключенных. – Я заснула и проснулась только после трех. Затем я оделась и спустилась вниз к чаю.

– Вы видели мистера Кристофера в то утро?

– Нет.

– Но вы стучались в его дверь, – сказала мисс Минтон, пожимая плечами. – Я вас видела.

Робинсон посмотрел на нее. Она высвободилась из объятий фокусника и указывала пальцем на миссис Паркс.

– Я вас видела! Когда пришла домой из... из церкви.

В ее голосе было колебание, и Робинсон это отметил. Он спросил миссис Паркс:

– Так вы стучали в дверь, миссис Паркс?

– Нет, – прозвучал ответ. Глаза миссис Паркс избегали взгляда Робинсона.

Мисс Минтон почувствовала себя уязвленной.

– Говорю вам, я ее видела! Я как раз пошла на верхнюю площадку лестницы и видела ее!

– Очень хорошо, мисс Минтон. Миссис Паркс, а это вы можете объяснить? – Тут Гроссмит извлек из обертки нож. Миссис Паркс смотрела на него не отрываясь.

– Нет, – сказала она, – я это не могу объяснить. А где вы его нашли?

– В мусорной корзине в вашей комнате.

– Это она! – завизжала мисс Минтон. – Это она убила мистера Кристофера!

Фокусник отстранился от мисс Минтон. Та вскочила на ноги.

– Почему? – нападала она. – Почему ты его убила? Ясно, что ты влезла через окно в его комнату и заколола его... А мне он так нравился. Он был хороший... Почему ты убила мистера Кристофера?

Она разразилась слезами и уткнулась в грудь мистера Шеридана. Он, казалось, был шокирован, и второй за сегодняшнее утро обвиняющий палец направился в сторону миссис Паркс.

– Сука! – сказал он низким сочным голосом. – Ты украла ее у меня. Мою Кристину. Ты украла ее! Ты всегда ее недолюбливала. Правда? Почему ты стучалась к ней? Подлая сука.

Робинсон прервал их.

– Миссис Паркс, я вынужден попросить вас проследовать со мной в полицейский участок, чтобы ответить там на вопросы в отношении убийства... э-э... мистера Кристофера, – начал Робинсон с тяжелым сердцем. – Вы имеете право не отвечать на вопросы, но все, что вы скажете, будет записано констеблем и может быть представлено как свидетельство.

Вы что-то хотите сказать?

– Я этого не делала, – произнесла миссис Паркс сквозь застывшие губы. – Я не убивала мистера Кристофера.

Дорин обшарила кухню и обнаружила, что запасов салата хватит на всех. Спор продолжался уже за столом. Фрайни открыла еще одну бутылку вина и приготовилась отражать атаку.

– Подумай, – наставлял ее Алан Ли. – Ты нам нужна. Если Фаррел обанкротится, мы пропадем. До Рождества на горизонте не появится ни одного цирка, и Сельхозвыставка закончилась. Если мы не выедем из города до конца месяца, мы просто умрем от голода.

– Да, я понимаю. Но что, по вашему мнению, я могу сделать? – спросила Фрайни.

– Как что? Пошли с нами, – сказал Алан Ли. – Просто пошли с нами, и ты разберешься и скажешь нам, что происходит. И тогда мы сможем все это остановить.

– Правда? И как это вы собираетесь все это остановить?

– У нас есть Самсон. Он может поезд остановить одной левой.

Самсон скромно улыбнулся и взял еще хлеба.

– Пожалуйста, – настаивал Алан Ли.

– Нет, – возражала Фрайни. – Что я могу сделать? Кроме всего прочего, в вашем шоу я буду как заноза в пальце.

– Мы тебя замаскируем. Ты будешь в самом цирке, не в

балагане. Ты ведь умеешь ездить верхом. Правда?

– Да. Но...

– Тебе не нужно много времени, чтоб научиться нескольким трюкам. Или ты сможешь продавать билеты, или акробат на лошади... Анна тебя научит. Она участвовала в номере со стреляющей кавалерией, пока не отяжелела... Или Молли.

– Кто такая Молли?

– Молли Янгер. Она и лошадь всему научит.

О боже, Дорин. Я и забыл про Молли. Слушай, а про Криса-то она знает?

Дорин мигом проглотила все, что было у нее во рту, и со вздохом сказала:

– Боже! Я совсем об этом забыла... Кто-то должен пойти и сказать ей, Алан. Я это сделаю.

– А что связывает Молли и Криса?

– Она была... В общем, они были близки. Собирались пожениться. Бедная Молли! Сначала Сокс, а потом мистер Кристофер. Видишь, Фрайни? Нужно что-то предпринять. Так больше не может продолжаться.

– Значит, вы хотите тайком запихнуть меня в цирк, где я никого не знаю, для того, чтобы я выявила саботажников? Это безумие, Алан! Я всех вас очень люблю, но не представляю, как я смогу вам помочь.

– Оставь ее в покое, Алан. Если б ты был такой же богатый, и у тебя был такой же домик, как этот, и все эти день-

ги, и ничего не надо было бы делать, разве ты бы все это бросил и отправился ловить ветра в поле с такими людьми, как мы? – в голосе Дорин чувствовалось презрение. – Нужно быть сумасшедшим, чтобы так сделать. Работай я всю жизнь не покладая рук, на такой комфорт я не заработаю. Ты только посмотри на этот дом: у нее есть машина, и полный набор прислуги, и все остальное, что ей нужно для полного счастья. Наши проблемы – не ее забота. Мы всего лишь обслуживающий персонал, люди из балагана.

– Не говори так, Дорин. Я же не сказала, что не помогу. Я просто не знаю как. – Фрайни почувствовала себя уязвленной. – Я так не всю жизнь прожила. Маленькой, я жила в бедности. – Это прозвучало так, будто она оправдывается, и Фрайни прикусила язык.

Алан Ли взял ее за руку, поставил перед собой и внимательно осмотрел. Перед ним стояла стройная молодая женщина в коротком хлопчатобумажном платье. Ее черные волосы разлетелись в стороны, когда она повернула голову, чтобы посмотреть на него. Он пробежал ладонью по ее телу – в этом прикосновении не было ничего личного: так кузнецы осматривают лошадь.

– Ты разнежилась, живя здесь, – сказал он вкрадчиво. – Посмотри на ноги, на бедра. Везде были мускулы – где они сейчас? А эти руки... – он приложил открытую ладонь Фрайни к своей щеке. – Гладкие, как шелк. Годами не дотрагивались до перекладки. Ты так прекрасна, что я боюсь на тебя

смотреть. Ты прекрасно сложена, легка, у тебя такие руки, что ты могла бы быть акробатом, канатоходцем или наездницей, а ты убиваешь свое время в праздности. Более того, могу поспорить на деньги, что ты скучаешь. Правда ведь? – Темные глаза встретились с зелеными глазами Фрайни и не отпускали их. – Скажи, что это так, Фрайни. Не забывай, я хорошо тебя знаю.

– И я тебя знаю, – ответила Файни, захватив рукой его волосы на затылке и сжав их. – Я тебя тоже знаю, Алан. И ты прав. Но что из того, что я скучаю? Завтра я развеселюсь.

– Правда? А разве я не могу тебя развеселить? – Рука Алана задержалась на ее талии, и по спине Фрайни пробежал трепет.

– Это разные вещи, – с легкостью бросила она. – Но тем не менее развеселить-то ты можешь... Давайте устроим ланч и поговорим за едой. Я не говорю, что все сделаю. Просто я хочу понять, что вы задумали.

Алан Ли сел. Не прекращавшая есть во время их разговора, Дорин заметила:

– Он прав: ты могла бы работать и на канате, и воздушной гимнастикой, но на подготовку уйдет уйма времени. Думаю, из тебя выйдет наездница. Научиться не сложно. Я могу тебе помочь, да и Анна тоже. Нужно просто научиться стоять ровно и не паниковать. В номере с лошадьми есть финальная сцена, где выезжают десять девушек и стоят на седлах. Одна из них на прошлой неделе упала и сломала ногу. Несколь-

ко уроков – и ты сможешь занять ее место. Но ты слишком бросаешься в глаза с твоими волосами и зелеными глазами. С глазами уж ничего не поделаешь, а вот на голову можно надеть парик. Или шапочку. Может, это и займет-то у тебя всего несколько дней: ткнуть пальцем в этого негодяя, что морочит Фаррела. И имя я тебе придумала: Ферн. Немного похоже на твое – Фрайни.

Она старательно произнесла ее имя – с длинным звуком «и-и». Имя прозвучало совсем по-гречески, чужеродно плоскому австралийскому акценту Дорин.

– Ферн, – проговорила Фрайни, пробуя имя на вкус. – Я должна это обдумать.

– Что тут обдумывать, – сказал Самсон. – Много думать вредно. Нужно дело делать.

Фрайни посмотрела на него.

– Пожалуйста! – сказал Алан Ли.

Фрайни колебалась. Она действительно очень скучала. Ожидавшая ее впереди череда официальных приемов и вечеринок внезапно показалась ей утомительной и скучной, как надоевшая книга. Особых проблем с ее собственным окружением у нее не было. Все, кого она любила, занимались своими делами вдали от нее. Дом и хозяйство от ее отсутствия только выиграют.

– Если ты поучишь меня стоять на лошади, – сказала она, – то я попробую. Но только ненадолго.

Самсон протянул руку через весь стол и пожал руку Фрай-

ни, захватив ее до запястья. Дорин усмехнулась. Алан Ли заключил Фрайни в крепкие объятия. А вошедший в гостиную в поисках новой порции ветчины и впервые встретившийся со змеей Эмбер пронзительно замяукал и залез на шторы, где, несмотря ни на какие уговоры и посулы, оставался до самого конца, шипя и свирепо выпуская когти в ответ на каждую попытку его спасти.

– Надеюсь, это не дурной знак, – сказала Фрайни, стараясь припомнить, нет ли у нее стремянки. – Остается надеяться, что я об этом не пожалею.

Глава 4

Panem et circenses (Хлеба и зрелищ).
Требование простых людей. Римская империя

Джек Черный Блейк застегнул свои безукоризненные манжеты и решительно произнес:

– Что слышно, Билли?

Босс Брансвикских ребят был хорошо одет, щеголеват и внешне приятен. Темные волосы, безупречная осанка, кольцо с большим бриллиантом на руке – поверх перчаток. Сегодня перчатки были лимонно-желтого цвета, лайковые, но не похоже было, что они доставляют ему удовольствие. Он курил толстую сигару и с мрачным видом разглядывал свое пиво.

Брансвикские ребята, известные в полиции как Бранниз, держали военный совет в отеле «Брансвик Армз».

Пес Билли, прозванный так за сексуальные извращения столь чудовищные, что упоминать их здесь не место, пробурчал:

– Ничего особенного, сэр. Поговаривают, что Рой-Бойз до нас докапываются.

– Что об этом известно, Змей?

Змей, высокий мужчина с глазами рептилии, кивнул заодно со своим приятелем Реффо. Они стояли во весь свой

высокий рост, плечом к плечу, будто ждали нападения.

Малыш Джорджи, сочетающий умение орудовать ножом, унаследованное им от итальянской мамы, с необузданной тягой к убийствам, передавшейся ему от отца, малайского пирата, выступил с предложением:

– Нужно что-то делать, босс. Говорят, у них кишка тонка. Народу виднее.

Джек Черный Блейк, как уже говорилось, носил перчатки. И носил он их потому, что не мог терпеть прикосновения к человеческой плоти. Постукивая рукой по стойке бара, он тихо проговорил:

– Пусть попробуют, тонка ли кишка у нас.

Миссис Амелия Паркс, она же миссис Фанточини, следовала в отделение полиции на Рассел-стрит в сопровождении констебля Томми Харриса, который держал ее за руку. У него не было опасений, что она может сбежать. Он боялся, что она может упасть.

Томми был потрясен. Миссис Паркс спасла ему жизнь. Она проявила отвагу и смекалку. Сцена, происшедшая в пансионе, когда он ее забирал, все еще стояла у него перед глазами. Мистер Шеридан завывал: «Как, как ты могла, как могла ты украсть у меня Кристину?» Мисс Минтон визжала: «Я это знала!» Визжала настолько громко, что на лестничную площадку вышла хозяйка. Стоило только миссис Уизерспун поймать нить разговора, как она заявила: «Вон из моего до-

ма! Я дала тебе шанс! Я тебя пожалела! Но сейчас убирайся, со всеми своими сумками и чемоданами! Как ты могла это сделать? Убить бедного мистера Кристофера!»

Тут миссис Уизерспун потеряла самообладание. Последнее, что увидел Томми Харрис в этом доме, это мисс Минтон, которая поспешно бежала вверх по лестнице, чтобы смешать ручьи своих слез со слезами хозяйки, рухнувшей на верхнюю ступеньку.

А миссис Паркс не говорила ничего. Она только бормотала: «Я этого не делала». Теперь она шла рядом с ним ровной походкой лунатика.

Томми Харрису это не нравилось. Что-то здесь было не так. И ведь свидетельств для обвинения миссис Паркс было достаточно. Нож. Ее проворство на крыше. И запертая дверь, закрытая на задвижку.

Она остановились у входа в отделение полиции, и он спросил:

– Миссис Паркс, с вами все в порядке?

Она лишь хрипло произнесла:

– Фанточини. Заключенная номер 145387, сэр.

Томми Харрису стало не по себе. Он передал миссис Паркс офицеру полиции, на вопросы которого она продолжала отвечать все тем же безучастным голосом.

Констебль Харрис вышел, он хотел найти сержанта.

– Сэр, – он отдал честь. – Сэр, могу я к вам обратиться?

Сержант Гроссмит поднял глаза над грудой бумаг.

– Да, Харрис. В чем дело?

– Я... сэр, я не думаю, что она это сделала.

– Да-да, я понимаю... Как давно вы на службе, Харрис?

– Восемь месяцев, сэр.

– Целых восемь месяцев... Да? Так вот, Харрис, меня всегда интересует точка зрения молодых сотрудников. Но я не нахожу слова «Я не думаю, что она это сделала» убедительными. У нее был нож, сноровка, и одно убийство за спиной. Думаю, у нее была причина. Кто-нибудь еще из этого дома вызвал у вас подозрение?

– Нет, сэр.

– Что ж тогда. Не расстраивайся, сынок. Джек Робинсон ведет это дело. А он не допускает ошибок. Он ее сюда доставил. Должно быть, он считает, что это она сделала. Нака отнеси этот нож в лабораторию и соберись. Иначе я расскажу ребятам, как тебя вытащила с крыши убийца. Женщина-убийца.

Томми Харрис взял нож.

– И все же я не думаю, сэр, что это она сделала. Она не стала бы меня спасать и показывать, что она так ловко действует на высоте. Просто оставила бы меня, чтобы я упал.

– Зеленый ты еще, Харрис. Я знаю некоторых замечательных людей, которые оказались убийцами. Помнится мне, старина Чарли Пис играл на скрипке, как ангел, и очень любил собак. А вот людей он не любил. Давай, констебль, иди. Доверься Робинсону. Он знает, что делает.

Томми отдал честь и вышел. Сержант Гроссмит фыркнул. Каких хлюпиков они набирают сейчас. В наши дни ни один констебль не мог поставить под вопрос действия старшего по чину.

Тем временем Джек Робинсон сидел лицом к лицу с миссис Паркс в комнате для допросов, которая располагалась в преддверии к камерам. Из-за стен раздавались стоны и вопли; пьяницы, видимо, не на шутку расшумелись.

– А теперь, миссис Паркс, расскажите, что вы знаете о мистере Кристофере.

Миссис Паркс двигалась по лабиринту невероятного страха. Отделение полиции и официальный тон затянули ее назад, превратив опять в заключенную. Она была хорошей заключенной, послушной и кроткой. Но она думала, что она от этого ушла. И вот теперь тюремные запахи невымытого человеческого тела, мочи и безысходности ударили ей в нос. Она старалась не терять голову, но сознание ускользало.

– Я плохо его знала. Он работал в цирке Фаррела как фрик. Там он был счастлив. Он говорил, что ни в каком другом месте он не был счастлив. Да, в цирке его ценили. Думаю, он хорошо зарабатывал. Внешне он был очень приятен. Он жил как мужчина. Мистер Шеридан был убежден, что он женщина, и все время донимал его: приносил цветы, и все такое. Но мистер Кристофер никогда это не поощрял. Мисс Минтон думала, что он БЫЛ мужчина. Мы все время хихикали по этому поводу, то есть миссис Уизерспун и я, пред-

ставляя в каком шоковом состоянии она бы была, если б ей удалось... вы понимаете, что я имею в виду. Но мистер Кристофер был настоящий джентльмен. Одним словом, он сказал, что у него в цирке есть невеста, наездница. Ее имя... – Имя ускользнуло из памяти. Она потрясла головой. – Молли Янгер. Ее фотография у него на стене.

Джек Робинсон навел кое-какие справки.

– Итак, вы его мало знали?

– Да, его никто хорошо не знал. Он был очень закрытый человек. Как обычно говорила мисс Минтон, все держал в себе. Я никогда не видела его во время представления. В цирке мне... были бы не рады, особенно в этом цирке...

– Цирк Фаррела это то самое место, где...

– Да. Мой муж и я, и остальные работали у Фаррела. И это там он... умер.

– Я вижу... – Робертсон обратился к своим записям. – Вернемся к дню убийства, к воскресенью. То есть сегодня. Что вы сегодня делали?

– Пришла на завтрак в десять, а потом вернулась в комнату, захотелось прилечь, – потирая глаза, сказала она устало.

– Обычно вы спите в полдень по воскресеньям?

– Нет, но после завтрака мне очень захотелось спать, поэтому я пошла наверх и легла. И заснула. Проснулась в три тридцать, умылась и спустилась вниз к чаю. У миссис У. очень хороший чай, а у меня теперь нет необходимости следить за фигурой. Потом с потолка закапала кровь, и пришел

ваш констебль и застрял на крыше. А потом вы пришли, и все это началось...

– Миссис Паркс. Это вы убили мистера Кристофера?

– Нет.

– Вы вылезали на крышу и влезали в его окно, чтобы заколоть его ударом в сердце?

– Нет... нет. Думаю, что нет. Но я раньше убила. Я убила моего мужа. Я его ненавидела. Я знаю, как убивать. Тяжкое преступление. Может, я и его убила... О боже, откуда мне знать? Не могу вспомнить... Может, я убила его, когда спала.

– Но вы ничего не имели против мистера Кристофера?

– Нет, ничего.

Миссис Паркс начала смеяться. Смех затянулся, перешел в неконтролируемый. Она перешла на пронзительный крик, перекрывающий вопли пьяниц в камерах за комнатой.

– Лучше ее запереть, – заметил Робинсон. – Пошлите за врачом.

– Нет! Нет! – завизжала миссис Паркс. – Нет, не запирайте меня! Не запирайте, пожалуйста. Снова это. Не надо! Я этого не вынесу... Не смогу. Я не смогу.

Двое полицейских отнесли ее в маленькую камеру. Услышав звук закрывшейся задвижки и бряцание ключей, она замолчала.

Робинсон чувствовал себя несчастным. Он отыскал сержанта Гроссмита.

– Терри, мне это не нравится, – начал он.

– Она призналась? – спросил сержант Гроссмит.

– В своем роде – да. Она сказала, что могла сделать это, когда спала. У нее крыша поехала.

– Что ж, хорошо. Приговор: виновна, но невменяема. Проведет оставшуюся жизнь в хорошенькой уютной психушке, вдали от напастей.

– Гмм...

– Могу вас хоть чем-то утешить: констебль Харрис пришел и сказал мне, что она не убивала. Хотите послушать его доводы? Потому что она спасла его, вытащив с крыши. Говорит, что будь она настоящим убийцей, она не стала бы афишировать свое умение действовать на высоте. Дала бы ему упасть. Я не знаю. В мое время никто бы не осмелился к сержанту вот так обратиться. Эти молодые парни...

Сержант Гроссмит еще какое-то время продолжал говорить, но инспектор по уголовным делам Робинсон его не слушал.

Рано утром Фрайни на старом грузовике Алана Ли перевозили в «Цирк Фаррела и шоу диких зверей». Самсон ехал тоже, как предполагалось, в качестве сопровождающего. Следуя инструкции, Фрайни была в шарфе, прикрывающем волосы, в трико, мягких туфлях и старом хлопчатом платье.

День предстоял жаркий. На Уильямстоун-роуд никого не было. До Фрайни долетали запахи лета: горячей земли, пла-

вящегося гудрона, потных людей и запахи цирка: навоза, машинного масла и сохнущих рубашек.

Алан Ли припарковал грузовик в цыганском лагере. Здесь стояло несколько палаток, но большинство жило в фургонах, послушно паслись лошади. Дети сновали с поручениями по своим срочным детским делам между стойлами и палатками.

– Пойду разыщу старушку Белл, – сказал Алан Ли. – А Фрайни ничего не угрожает, Саймон. Ты можешь пойти и спросить мистера Фаррела, можно ли нам воспользоваться манежем, и найди кого-нибудь, чтобы подстраховал. Если его нет на месте, спроси Бивансов, можно ли нам взять их страховку. – Он посмотрел на Дорин, которая вышла им навстречу. – Думаю, тебе лучше пойти поговорить с Молли, Дорин. Может, она еще не слышала про Криса.

– Понимаю, что нужно, – неохотно согласилась Дорин. А потом с облегчением заметила: – В этом нет необходимости. Посмотри.

Двое мужчин шли через территорию палаточного лагеря. Один – высокий и дородный, в синей полицейской форме; другой – ниже ростом, в обычной одежде и с ничем не примечательными лицом и фигурой.

– Это полицейские, – сказала Дорин, – я достаточно их повидала, чтобы сразу узнавать этих простаков.

– И точно, простаки, – отозвалась Фрайни. – Мне нужно незаметно одного перехватить. Если он меня при всех поприветствует, то никакой пользы от меня уже явно не будет.

– Ничего сложного. Он будет проходить через наш лагерь. И когда он пойдет мимо моего фургона, я его затащу. Пойдем!

Алан Ли и Дорин, с Фрайни посередине, медленно пропланировали по направлению к фургону, стоявшему на основании развалившегося грузовика. Фрайни проскользнула внутрь, а полицейский прошел было мимо, но Дорин спокойно указала ему: «Сюда, пожалуйста».

Через полуоткрытую дверь Джек Робинсон разглядел лицо Фрайни и плавно развернулся. Он уселся на ступеньку фургона и, оглядев лагерь, сказал:

– Мои ноги меня подводят. Я давно не ходил на большие расстояния. А как ты, Терри?

– Ты расслабляешься, Джек, – сказал Теренс Гроссмит, прекрасно знавший, как его шеф любит пешие прогулки миль на двадцать. – Мне тоже все непросто дается. Можешь немного подвинуться, Джек?

Оба офицера уселись, и тогда Фрайни прошептала:

– Привет, Джек! Что ты здесь делаешь, дорогой?

– Стараюсь выяснить обстоятельства дела мистера Кристофера, – ответил он ровным голосом. – А ты?

– А я хочу выяснить, кто намеревается уничтожить цирк Фаррела. Ваше убийство – всего лишь звено из длинной цепи серьезных неприятностей.

– Разве? Но мы нашли убийцу.

– Кто же это?

– Женщина, которая работала в цирке десять лет назад.

– Миссис Фанточини? – спросил ошеломленный Алан Ли. – Ее что, выпустили из тюрьмы?

– Десять месяцев назад, и она снова взялась за свое, – самодовольно заявил сержант Гроссмит. – И часа не прошло, как мы ее арестовали.

– Ох... Но почему? – проговорила Фрайни.

– Именно это я и стараюсь выяснить, – ответил Робинсон.

– Но ты же сомневаешься, что она это сделала. Правда? – спросила Фрайни, достаточно хорошо знавшая Робинсона.

– Не сказал бы, что сомневаюсь, но вопросы у меня есть. Ладно. Будьте начеку, мисс. Не рискуйте. Неприятности имеют свойство передаваться окружающим. Как я понял, вы не хотели, чтобы я вас признал?

– Нет. И зовут меня Ферн.

– Тогда, Ферн, я вас не видел. Пошли, Терри. Как я понимаю, эта старая посуда задержит меня еще на какое-то время. Так кого мы еще хотели найти?

– Янгер, – громко проговорил Гроссмит, для виду заглядывая в записную книжку. – Мисс Молли Янгер.

– Вы не в том лагере, – сказал с подкупающей искренностью вышедший Самсон. – Она там, с работниками цирка. Идите до того высокого места, а там – поверните прямо к слонам.

– Спасибо, – сказал Джек Робинсон, тяжело поднимаясь со ступеньки и увлекая за собой соседа. – Пошли, сержант.

– Бивансы говорят, мы можем воспользоваться их страховкой, – сообщил всем Самсон. – Похоже, Фаррел и вправду изменился. Но он сказал, что мы можем тренироваться на манеже. Что это здесь делали полицейские?

– Заблудились, – ответила Фрайни. – Хорошо, Алан, давай приведем Белл и посмотрим, могу ли я делать стойку на лошади.

Белл была мирная, располагающая к себе лошадка с ровным ходом, широкой спиной. Среднего роста, орехового цвета, с мягкими губами и умными глазами.

Алан Ли зашнуровал на Фрайни холщовую курточку, к ремню которой была прикреплена прочная толстая веревка. Он бросил конец веревки Самсону, который прикрепил ее к свисающему канату, перекинутому через блок, и тянул ее до тех пор, пока Фрайни на фут не поднялась над землей.

Бразды правления взяла Дорин.

– Все в порядке. Забирайся, Ферн. – Фрайни запрыгнула на широкую спину Белл. Лошадь стояла, как скала. – Пошла, Белл, – скомандовала Дорин, и Белл пошла. Фрайни без труда держалась в седле. – Значит, ты умеешь ездить верхом, – проворчала Дорин. – Хорошо. Живее, Белл. – Белл незначительно увеличила скорость, перейдя постепенно на легкий галоп. – А теперь, Ферн, положи обе руки ей на шею и перекинь ноги на правую сторону, как в дамском седле.

Фрайни положила обе руки на шею терпеливой лошади, сдвинулась, но соскользнула, однако быстро вернулась

в предыдущее положение. Она попробовала снова, решив с досадой, что от наработанного навыка могло не остаться и следа.

– А теперь с другой стороны, – скомандовала Дорин. И Фрайни, изменив положение, оказалась лицом к противоположной стороне от манежа. А Белл продолжала идти легким галопом. – Еще раз! – приказала Дорин, и Фрайни соскользнула с одной стороны на другую, не упав. Она усмехнулась.

Запах лошади и пота вернули Фрайни назад, к тем трудностям, которые маленькая Фрайни преодолевала, обучаясь скакать на норовистой пони в холодном Шире. У нее ушли месяцы на то, чтобы научиться залезать на спину Эйприл и удерживаться на ней. Эйприл не жаловала новичков. Сейчас Эйприл уже завезла бы Фрайни в ближайший куст крыжовника и там сбросила бы.

– Назад, в начальное положение, – скомандовала Дорин, и Фрайни села в седло прямо. – А теперь ты должна мне довериться. Белли будет бежать довольно быстро, но ты удержишься в седле, встав на колени. Это все равно что котелок над головой². То же самое. Положи обе руки ладонями вниз по обе стороны шеи и подтяни колени прямо на спине лошади. Если ты будешь держать спину над спиной лошади, – ты не упадешь. На минуту – соберись. Давай!

Для Фрайни это движение показалось легким, но странным. Она подумала, что школа с Эйприл сделала ее хорошей

² Традиционное развлечение в Австралии.

наездницей. Тот, кто смог удержаться на Эйприл, способен справиться с любой лошадью при любых условиях. Она стояла на спине Белл на четвереньках. Уже готова была сказать: «Как просто!», как вдруг поняла, что это не так. Лошадь выскользнула из-под нее, и Самсон, подняв ее рывком кверху, вернул обратно на спину Белл. Ремни врезались под ребра. Она сконцентрировалась. Важен был баланс и вера в то, что Белл не свернет и не изменит скорость. Грубая шерсть Белл терла ей ноги. Фрайни закусила губу.

Хитрость состояла в том, чтобы удерживать постоянное давление коленями. Еще четыре круга, и она могла стоять на коленях, не падая.

– Хорошо, – сказала Дорин. – А теперь медленно подними руки и выпрями спину. Ты не упадешь. Попробуй.

Фрайни подавила инстинктивное желание вцепиться Белл в гриву и выпрямила спину. Она нашла равновесие так же, как делала это на бревне в школе. Движения Белл были ровными, как часовой механизм. Фрайни поднялась на коленях, и пустой шатер полетел у нее перед глазами. Она громко рассмеялась и чуть было не упала, но все же удалось сохранить равновесие. В таком деле – не до смеха.

– Продолжай вот так некоторое время, – сказала Дорин. Фрайни и Белл проделали еще два круга. Фрайни выяснила, что ей легче держать равновесие с вытянутыми в стороны руками. Алан Ли смотрел на стройную фигурку с нежной улыбкой. Самсон без усилий закрепил контрольный канат. –

А теперь ты встанешь! – сказала Дорин. – Опустити руки. Подтяни ноги. Пошла, Белл!

Происходившее вслед за этим противоречило инстинкту самосохранения и всему, что Фрайни знала о лошадях. Она поборола в себе нежелание совершить такую глупость, подтянула колени к груди и попробовала распрямить спину. Спина отказывалась распрямляться.

– Ноги раздвинь сильнее и горизонтально! Ты достаточно гибкая. Теперь, когда я тебе скажу, оттолкнись руками и встань! Это нужно сделать одним рывком. Ты поплывешь, не соскочишь. Ты можешь это сделать. Давай!

Фрайни постаралась убедить себя, что сможет, но... потерпела неудачу. Белл завершила еще один круг. Фрайни вспотела, и руки ее стали скользить по ореховому крупу лошади. Она поднимала их, одну за другой, чтобы вытереть о хлопковое платье.

– Ты можешь это сделать, – убеждал Алан Ли.

– Не думаю, – хныкала Фрайни в своем перевернутом положении. Мышцы ягодиц напряглись, предвещая судороги.

– И не думай! – сказал Саймон. – Я тебя поставлю. Ап! – проревел он. Произошло это так неожиданно, что Фрайни перестала хвататься за Белл и поднялась, расставив руки и практически стоя на спине Белл. Манеж проплывал мимо, а неведомая сила держала ее на лошади.

Каждый наездник познает силу гравитации, когда лошадь перепрыгивает через препятствие. Но ее эта сила не тащила

к земле. Оказалось, что она, наоборот, побуждает ее стоять как скала. Она отметила, что с точки зрения наблюдающего она наклоняется к центру манежа.

– Хорошо. Застынь, – поддерживала ее Дорин. – Я же говорила тебе, это может каждый. Попробуй стойку на руках.

Воодушевленная, Фрайни снова согнулась и положила руки на лошадиную шею.

– Не сюда! Ты потянешь ей шею. В середину!

Пытаясь сдвинуться назад, Фрайни потеряла равновесие и упала. Страховочный канат поднял ее вверх, не дав коснуться опилок. Дорин остановила Белл и стояла, поглаживая ее мягкий нос.

– Вот твоя морковка, Белл. Ферн, с тобой все в порядке?

Потная, в синяках от холщовой куртки, Фрайни была очень горда собой.

– Отлично! У меня все в порядке. Я смогу снова попробовать?

– Да, – ответил Алан Ли. – Снова и снова, каждый день. Думаю, ты будешь стоять хорошо к тому времени, как мы опять двинемся в путь. Видишь? Я же сказал тебе. И вот ты едешь вместе с нами. Ты обещала, – напомнил он ей.

– Да, я обещала, и я поеду. Было отлично.

– Приходи завтра опять, – сказала Дорин. – А пока тебе надо потренироваться делать стойку на руках и держать равновесие. Алан отвезет тебя домой, а потом придет и снова тебя заберет. А теперь нам нужно отвести Белл в конюшню и

привести ее в порядок. Она для тебя творила чудеса, Ферн. Но она – лучшая. Таких лошадок, как она, с такой поступью, больше нет. Молли тренировала ее с тех пор, как она была еще молоденькой кобылкой.

Фрайни вывела Белл. Самсон снял страховку, аккуратно отстегнул ее и отвязал веревку. Он вернул свисающий канат в прежнее положение, точно установив прежнюю длину.

– Никогда не трогай канат и не сдвигай его, – сказал Алан Ли. – От него может зависеть чья-то жизнь. Если ты посмотришь на воздушных гимнастов, поймешь, что я имею в виду. Но Бивенсы не любят аудиторию во время репетиций. Придется тебе тайком пробраться на представление. Тогда ты увидишь, как они держат руку на веревке, чтобы точно знать, что все на месте. А если ее здесь нет... – Он сделал многозначительную паузу, и Фрайни кивнула.

– Ясно. Кем была миссис Фанточини?

– Почему ты спрашиваешь? – Алана Ли, казалось, застали врасплох.

– Джек Робинсон сказал, что арестовал ее за убийство мистера Кристофера.

– Ах да. Она была одной из «Летающих Фанточини». Муж, два брата, Амелия Паркс и ее сестра Элла. Хороши они были. Правда, Дорин?

– Хороши? Да они были великолепны! – отозвалась Дорин. – Не нужно ей было выходить замуж за этого негодяя Джорджа. Вот что. Он по-скотски с ней обращался.

– И что случилось?

– Слушай, это было десять лет назад. И меня здесь не было, – резко оборвала Дорин. – Я знала Амелию, еще когда мы были детьми. Она тогда и муху не обидела бы. Это он ее довел. Украл ее деньги. Говорят... – Она понизила голос и выразительно посмотрела на Алана Ли и Саймона. Те поняли намек и ушли подальше, чтобы им не было слышно. – Она рассказывала мне, что он заставил ее сделать нелегально операцию... ну эту, сама понимаешь, чтобы избавиться от ребенка.

– Почему? – шепотом спросила Фрайни. – Разве они не были женаты?

– Беременная не может работать воздушной гимнасткой.

– Это ужасно!

Глаза Дорин сверкнули. Фрайни отметила, что они не зеленые, как она раньше думала, а темно-серые, почти как уголь.

– Да. А она так хотела ребенка! Но она его любила, поэтому и пошла на это. Но операция прошла неудачно, и она больше не могла иметь детей. Тогда она стала очень странной. Холодной. Никого к себе не подпускала. Но меня в то время здесь не было. Может, Алан знает.

– Алан! – позвала она его. – Что скажешь насчет убийцы? Казалось, что Алан Ли смутился.

– Да, я был здесь, но я ничего не видел. Давай же, нам лучше поставить Белл обратно, пока у нее ноги не остыли.

На ходу он нехотя начал рассказ короткими, отрывочными фразами:

– Джордж выстроил большой финал. Шестеро воздушных гимнастов, все встречаются в воздухе – довольно просто. Но он настаивал на его собственной трапеции. У него были маленькие руки, и ему нужна была более тонкая перекладина. В тот вечер все они выступали, и он долетел до своей перекладины, а потом руки соскользнули. Он упал. Упал за сеткой, потому что прыжок был с размахом. Двадцать футов до земли. И умер. Когда опустили перекладину, она вся была в машинном масле. А его жена... у нее обнаружили машинное масло под ногтями, а брат погибшего знал, что тот бил жену... Про ребенка они тоже знали. – Он с усмешкой посмотрел на Дорин. – В цирке секретов не бывает. И весь тот день он все твердил ей, что у них нет денег и что она должна пойти на улицу и заработать для него, потому что ни на что другое она не годится. Говорил, что она неуклюжая гимнастка, что ей нельзя доверять в воздухе. Так она его и убила. Сама призналась.

– И я понимаю почему, – заметила Фрайни.

Они уже миновали палаточный лагерь и входили в конюшню, когда их грубо окликнул высокий мужчина с седыми волосами.

– Эй, что это вы там делаете с моей лошадьё? – завопил он.

– У нас было разрешение, сэр, – объяснил Алан Ли. – Сей-

час мы ведем лошадь назад.

– Вы цыгане все конокрады! – не унимался высокий. Лицо его покраснелось от злости. – Ставьте ее на место сию минуту!

– Да, сэр, – покорно проговорил Алан Ли.

Фрайни удивилась, почему он не ответил человеку в его же манере. Потом она поняла: Алан Ли, каким бы замечательным он ни был, при всей его красоте и мастерстве находился на низшей ступени цирковой иерархии, а потому он не мог ответить прямо. Его смирение разозлило Фрайни. Она внимательно рассматривала их собеседника, пытаясь понять, что разжигает его гнев. Он был противоестественно злобен.

– А ты сиди в своем лагере, – бросил он. – Не хочу, чтобы хоть кто-то из вас заходил в мой цирк, крал моих зверей и сбивал с толку моих людей.

– Я спросил у мистера Фаррела, – сказал спокойно Самсон, заняв весь дверной проем, он навис над женщиной. Самсон не улыбался. – Мистер Фаррел сказал, что все нормально. Мы готовим новую наездницу для выхода. Почему бы вам не спросить об этом у мистера Фаррела? – закончил Самсон со зловещим спокойствием.

Мужчина обвел взглядом группу. Глаза его остановились на Фрайни.

– Это ты новая наездница?

Фрайни вспомнила о своем месте в цирковой иерархии и

обуздала свой темперамент.

– Да, сэр, – произнесла она, запинаясь, и склонила голову.

– Как зовут?

– Ферн.

– Запомни, кто я такой! – напыщенно проговорил он. –

Я – мистер Джонс, владелец цирка Фаррела. – Он ущипнул Фрайни за щеку. – Хорошая девочка. Будешь себя со мной хорошо вести, и я отвечу тебе тем же.

Фрайни удержалась от ответа и лишь вонзила свою мягкую туфельку в дорожную пыль.

– Ставьте лошадь в конюшню! – грубо приказал мистер Джонс. – Проверю, как вы ее выскребли.

– Да, сэр, – снова проговорил Алан, и они повели Белл на место.

– Фу, – сказала Фрайни, когда они чистили Белл и опять угощали ее морковкой. – Что за дикарь? А я думала, да вы и сами говорили, что Фаррел владелец цирка.

Алан Ли посмотрел по сторонам. Широкие перегородки в стойлах надежно оберегали их от посторонних ушей.

– Так и было, – шепотом ответил он. – Отодвинься немного, Белл. Ты на меня напиралась! Говорят, что у этого Джонса половина доли. Его здесь не любят.

– Это и понятно, – ответила Фрайни.

Обед миссис Паркс подали в камеру. Из-за чьей-то халатности ей разрешили пользоваться ножом. Нож был тупой, но

его можно было наточить. Когда констебль зашел, чтобы забрать поднос с нетронутой едой, отсутствия ножа он не заметил.

Глава 5

Весь мир – театр.

В нем женщины, мужчины – все актеры.

У них свои есть выходы, уходы,

И каждый не одну играет роль.

Уильям Шекспир. Как вам это нравится, акт II сцена 7 (перевод Щепкиной-Куперник)

– В цирк, мисс? – Дот разглядывала хозяйку, стаскивающую с себя видавшее виды хлопчатое платье и трико и разглядывающую синяки. – Но почему?

– Ты помнишь Алана Ли?

– Цыгана, мисс?

– Да, цыгана. Если не считать, что он только наполовину цыган. Мне нужно очень много узнать про цирк, Дот. На самом деле там более сложная структура, чем это кажется. Похоже, они подразделяются на классы. На вершине – те, кто работает непосредственно в цирке, балаганщики – на втором, а цыгане – в самом низу. Или так мне сейчас это представляется. У Фаррела куча проблем, и они попросили меня помочь. Мне же все равно сейчас нечего делать, Дот. Впереди ничего, кроме официальных приемов, балов время от времени да флирта с этими занудными молодыми людьми. Мне хочется чего-то новенького, и вот сегодня я научилась

стоять на спине лошади.

– Но, мисс, я же не смогу пойти за вами в цирк. Правда?

– Дот, дорогая, конечно, нет. – Фрайни шагнула в ванну и начала натирать следы от каната мылом *«Ночь любви»*. – У девушек в цирке не бывает служанок.

– Но, мисс...

– Дот, дорогая, не расстраивайся! Я сама смогу за собой последить.

– Но, мисс Фрайни... Кто будет набирать вам ванну, заботиться о вашей одежде...

– Придется мне самой управляться, – пробормотала Фрайни.

Но Дот извлекла козырную карту:

– Мисс Фрайни, леди так не подобает...

Фрайни выругалась:

– Провались все к чертям! И все леди туда же! О, Дот... – Она не имела в виду ничего плохого. – Иди, поговори со мной и не расстраивайся. Со мной все будет в порядке... А если и не будет, то только по моей вине. И я приползу домой, и ты будешь за мной ухаживать, и каждое утро будешь мне говорить, что же это я с собой наделала, несмотря на твой мудрый совет. Согласна?

– Думаю, что да, – ответила Дот.

Дот была простой женщиной. Молодая, маленькая женщина с длинными волосами, крепко заплетенными в косу. Носила она бежевое льняное платье с вышитым букетом

бронзовых розочек. Фрайни села в ванне и, загибая мыльные пальцы, начала подсчитывать доводы «за»:

– Хорошо, Дот. Первое. Я согласна, что это поступок, недостойный моего уважаемого родителя герцога, и что моя мамочка и сестры будут волосы на себе рвать, если узнают. Но они все в Англии и при удачном стечении обстоятельств никогда об этом не узнают. Второе. Маловероятно, что меня увидит кто-то из тех, кто меня знает. Третье. Если они меня и увидят, они меня просто не узнают, потому что волосы мне прикроют, меня загримируют, и я буду скакать в цирке. Даже если они меня и заметят, они просто этому не поверят. «Фрайни Фишер, – скажут они, – посмотрите, эта девочка выглядит совсем как наша уважаемая мисс Фишер. Но, конечно же, это не она. Случайное совпадение».

Фрайни вылезла из ванны, и Дот обернула ее в зеленое, как мох, полотенце.

– Четвертое, – продолжала она. – Я буду проживать с девочками, так что целомудрие мое будет в целости и сохранности, в большей сохранности, чем мне того бы хотелось. И пятое – я обещаю быть осторожной. Вот и все, что я собиралась сказать тебе по этому поводу, Дот. И мне нужна будет какая-нибудь дешевая одежда. Не могла бы ты сегодня выделить время на поход по магазинам?

– Да, мисс, – сказала Дот. – Мне все это не нравится, но если вы обещаете быть осторожной... А что вам так нравится в цирке? – добавила она с любопытством, надевая на Фрайни

через ее приглаженную черную головку утреннее хлопчатое платье. – Отвратительное, грязное место. Всякие запахи и шум, и все эти бедные звери, запертые в клетках. Мне так жаль этих бедных львов...

– Никогда не думала о львах, – ответила Фрайни, припудривая нос и нанося на губы помаду «Экстрим Руж». – Наверное, с ними жестоко обходятся. Но дело тут не в животных. Хотя сегодня я познакомилась с одной кобылкой, которая построила бы всех породистых лошадей. Ее зовут Белл. Что за милое существо! Нужно будет прихватить ей несколько морковок. Напомни мне, Дот. И яблок. И несколько пакетиков тех мятных конфет, самых сильных. Лошади их любят. Нет-нет. Главное, что влечет меня к цирку – это люди. Люди цирка. Совсем не обязательно, Дот, что они должны и тебе нравиться. Они совсем не респектабельные.

– Вот поэтому вы их и любите, – прокомментировала Дот. Фрайни посмотрела на ее отражение в зеркале и улыбнулась.

Томми Харрис пил пиво в отеле «Провинциал», местоположение которого на Брансвик-стрит было таким, что его можно было считать самым центром этой улицы. Кроме того, здесь проще всего было узнать, о чем говорят в округе. «Провинциал» был на средней ступеньке по культуре в гостиничном бизнесе. Слишком респектабельный, чтобы привлекать преступников, и не на том уровне, чтобы заманить выпивкой коммивояжеров, водителей грузовиков и местных

торговцев. Время приближалось к четырем, и Томми уютно пристроился в уголке бара. Перед ним стояла большая кружка пива «Виктория Битте», а рядом в пепельнице лежала зажженная сигарета. Томми Харрис курил только в пабах – это расценивалось как «защитная окраска».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.